

Лена Сокол

SEX ДНЕВНИК

Камы
Морозовой

Лена Сокол

Сex-дневник Кати Морозовой

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66909726

Сex-дневник Кати Морозовой / Лена Сокол: Авторское; Москва; 2021

Аннотация

Жизнь преуспевающей журналистки Кати Морозовой в один миг превращается в катастрофу: жених предал, из модного глянца со скандалом уволили, а тут еще и пожар в гостиничном номере, который уничтожил почти все ее личные вещи.

Любая другая точно отчаялась бы. Но только не остроумная, находчивая и сильная духом Катерина: она ставит себе цель вернуть контроль над собственной жизнью, добиться успеха в карьере и непременно встретить, наконец, того, кто сделает ее счастливой.

Кем окажется тот единственный? Симпатичным фотографом, улыбчивым банкиром или сексуальным пожарным? Расскажет ее дневник.

Содержание

7 октября, четверг	5
1 октября, пятница	6
1 октября, пятница	7
2 октября, суббота	38
3 октября	44
4 октября, воскресенье	46
5 октября, понедельник	48
6 октября, вторник	63
7 октября, четверг	79
8 октября, пятница	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Лена Сокол
«Sex-дневник
Кати Морозовой»

Веселая, романтическая история о том, как найти свою любовь в мегаполисе!

7 октября, четверг

Дорогой дневник! (Зачеркнуто).

Кто-то еще пишет так? Разве что влюбленные школьницы, доверяющие тайным дневникам переживания о своих первых влюбленностях.

Никаких дорогих дневников. К черту.

Но давайте обо всем по порядку.

Это случилось неделю назад на утренней летучке в журнале «Manner», где я работаю.

Поправочка: работала.

1 октября, пятница

9.33

– Мы мало придираемся к мужским яйцам. Пора исправить это. – По столу прокатилась волна шепотков, но отступить было некуда, поэтому я продолжила: – Мужчины считают, что соски женской груди должны торчать так, будто стремятся в космос. Пора и нам начать предъявлять повышенные требования к их...

Нет. Черт подери. Не так.

1 октября, пятница

9.30

Как говорится, ничто не предвещало беды.

Я досыпала на утренней летучке свои положенные восемь часов и переваривала холодный латте, который выпила еще по дороге в офис. Самое главное в таких совещаниях делать вид, что ты вполне работоспособен, и ни в коем случае не закрывать глаза.

(Еще раз. Что бы ни случилось: не закрывать).

Вот я и сидела на кресле, придвинутом к длинному полированному столу, откинувшись на спинку и привалив к ней свой отяжелевший затылок, и старательно изображала задумчивый, сосредоточенный вид.

Наверное, не стоило вчера танцевать в клубе до часу ночи. Да и те две последних «Маргариты» явно были лишними. Неудивительно, что мое сознание вдруг провалилось в небытие и погрузилось в сон, в котором мы с моим женихом Ильей идем к алтарю.

На мне было узкое черное кожаное платье, на нем, почему-то, его футбольная форма, но это все неважно, ибо сон окончился в самый неподходящий момент – когда конфе-

ренц-зал вдруг огласил мой нечаянный храп.

– Катюха! – Шикнула Алиска, толкая меня в бок.

– А? – Подскочила я, оглядываясь по сторонам, вытирая слюни и еще не до конца понимая, что же произошло.

Представители всех отделов ошеломленно смотрели на меня. Никто не отпустил ни единого смешка, а означать это могло лишь одно – я поймана с поличным.

Только. Не. Это.

Выпрямившись, я осторожно повернула голову во главу стола, где восседала главный редактор. Алла Денисовна сверлила меня возмущенным взглядом из-под новых очков Dior и готова была вот-вот взорваться.

В такие моменты у всех сотрудников головы обычно сами моментально втягивались в плечи: ведь если начальница превращалась в огнедышащего дракона, значит, дело пахло жареным, и кто-то непременно должен был пострадать.

– Морозова! – Взревела она.

И все перестали дышать.

А я изумилась: как же такая маленькая голова может извергать такие высокие и мощные звуки? Может, у нее в глотке спрятан усилитель? Иногда мне казалось, что ее криком можно резать стекло на заводе, а она вот так запросто растрачивала свой талант, нанося людям непоправимые психологические травмы¹.

¹ Здесь и далее рассказывается о героях, с которыми читатели уже знакомы по книге «Доктор Красавчик» Лены Сокол

Кстати, да.

Вам придется забыть обо всем, что вы видели о модном глянце в кино. Это картинка с экрана, реальная же жизнь намного суровее.

Наряды от Chanel и Valentino тут бесплатно не раздают, а выжить на зарплату фрилансера, ведущего независимую колонку, да еще и снимать квартиру в центре Нью-Йорка может разве что Кэрри Брэдшоу – как вы понимаете, тоже только в рамках ТВ-сериала.

Модные журналы в этой стране медленно, но верно загибаются.

Нас все меньше приглашают на закрытые презентации новых коллекций крупных брендов, на светские мероприятия редакторам и арт-директорам приходится добираться на метро, а редактор-обозреватель fashion-отдела давно не может позволить себе тех вещей, о которых пишет. Да и собирает она о них информацию больше в сети, чем на реальных модных показах.

Сейчас всем рулят блогеры и инфлюенсеры – бренду выгоднее послать вещь из последней коллекции им и получить миллионы прочтений и просмотров в Инстаграм, чем оплатить год своего присутствия на полосах модных журналов.

Да, мы выживаем, но не сдаемся. И все еще держимся на плаву – во многом благодаря Аллочке.

Совсем как в кино, наша шефиня тоже лично знает весь бомонд и оказывает некоторое влияние на модную сферу.

Но в данных кризисных условиях ей приходится быть крайне жесткой с персоналом и, уж простите, любые «дьяволы в Prada» по сравнению с ней просто агнцы божьи!

Она сущая стерва, клянусь. Настоящий монстр!

Владыка преисподней перекрестился бы при виде нашей главной редакторши, а уж герои голливудских фильмов про индустрию моды – те просто нервно курят в сторонке.

И поверьте, не зря от одного движения ее соболиной бровью половина сотрудников теряет сознание. Алла Денисовна – настоящая акула модного бизнеса. Или барракуда – как с благоговейным ужасом зовут ее мои коллеги.

Поэтому захрапеть на ее совещании... это, как бы мягче выразиться? Само-*чтоб мне провалиться*-убийство!

– Морозова!

– Да? – Прочистив горло, отозвалась я.

Выдерживать ее гневный взгляд на себе было, вряд ли, легче, чем раскаленную кочергу на заднице.

– Ты что-то хотела сказать по теме? – Прищурилась она.

Уверена, каждый из присутствующих ощутил угрозу, вибрирующую в воздухе.

– По теме... по теме. – Промычала я, отчаянно роясь в обрывках мыслей. – Э... да. – Ответила неуверенно.

А какая была тема? И сколько я проспала?

Вот бы моргнуть и оказаться дома в теплой постели, где над головой не висит острый, как лезвие гильотины, взгляд

начальницы, но это невозможно.

– Отлично. – Ухмыльнулась барракуда, перебирая острыми ноготками бумаги в папке. – Тогда, может быть, озвучишь свой вариант?

Уголки ее губ приподнялись в хитрой полуулыбке.

Так и есть: эта зверюга загоняла меня в ловушку.

– Вариант? Ну, конечно. – Кашлянула я, задумчиво потирая висок.

Алиса подтолкнула ко мне лист бумаги. Карандашом на нем было выведено: «Мозговой штурм. Ищем идеи для рубрики «Sex», феминизируем посыл этого раздела».

Примечание: люблю свою подругу.

– Итак, идеи. – Решительно произнесла я. – Идеи для рубрики.

И оглядела собравшихся.

Если уж кто и фонтанировал идеями спросонья, то уж точно не я. Кто-то из коллег жевал губу, другие разглядывали маникюр или поверхность стола.

– Мы говорили о том, как освежить колонку после ухода прежнего редактора. – Поправив очки, воззрилась на меня Барракуда. – До того момента, как найдется новый сотрудник на должность, будем заниматься колонкой сообща. Так как будем поднимать уверенность женщин в себе, Морозова? Что ты написала? Зачитай-ка мне свое предложение!

Я опустила глаза в собственные заметки.

Кроме расписания деловых встреч, опросника для буду-

щего интервью и календаря месячных там ничего не было. Слово «аспирин» – как напоминание о необходимости покупки чего-то антипохмельного, не в счет.

Я покосилась в Алискины заметки.

«Мужчины говорят со своим членом. Стоит ли женщинам тоже попробовать?» – было написано у нее.

И зачеркнуто.

– Ну? – Поторапливала меня Алла Денисовна.

Обстановка накалялась.

Тогда я покосилась в другую сторону, но Владик, наш офисный крысеныш и любимец начальства, спешно перевернул свой лист.

Не то, чтобы я себя оправдывала, но в тот момент мне не оставалось ничего, кроме дерзкой импровизации.

Я поднесла к глазам ежедневник и, уставившись в расписание, изрекла (будь проклят этот момент):

– Мы мало придираемся к мужским яйцам. Пора исправить это! – По столу прокатилась волна шепотков, но отступить было некуда, поэтому я продолжила: – Мужчины считают, что соски женской груди должны торчать так, будто стремятся в космос. Пора и нам начать предъявлять повышенные требования к их...

– Морозова...

– Что? – Я опустила ежедневник. – Вы же сами сказали прочесть. К тому же, это так... жизненно!

Кто-то из коллег не выдержал и хрюкнул со смеху, другие

нервно охнули.

А чего они хотели?

Я работаю над рубрикой «Твоя жизнь», в ней можно писать всякую чушь, какая только приходит в голову: тайм-менеджмент, лайфхаки, гаджеты и прочая скучная ерунда. Уверена, никто ее даже не читает. Откуда мне знать, что обычно пишут в рубрике «Sex»?

Сексом я занимаюсь. И мне интересно познавать его опытным путем, а не по глупым советикам очкастой зазнавалы, что была у нас ответственной за этот раздел последние пару лет.

К тому же, я без пяти минут жена успешного футболиста. К чему мне теперь держаться за эту убогую должность?

– Хорошо. – Неожиданно смягчилась Барракуда, бросив короткий взгляд на наручные часы.

В этот момент мое сердце остановилось. Такие психопатические перемены в настроении не сулили ничего хорошего. Похоже, шефиня придумала для меня крайне изощренное наказание.

Так и было.

– Раз из тебя прет креатив, напиши. – Сказала она с ехидной улыбкой. И собрав бумаги, поднялась с кресла. – Только выбери более подходящую тему. Жду твои предложения ко вторнику, а сейчас мне пора на примерку.

Вместе с ней подорвались со своих мест и сотрудники модного отдела, ведь так называемая «примерка» была от-

бором моделей для будущего фотосюта. Конференц-зал тут же наполнился суетливым стуком каблучков.

В тот момент мне показалось, что буря пронеслась мимо. Статья для рубрики – это ведь мелочь, да? За некоторые проступки Аллочка Денисовна запросто откусывала сотрудникам головы.

Но не успела я выдохнуть с облегчением, как шефиня остановилась у зеркальной двери.

– «Manner» – не журнал, это библия! – Раздраженно проговорила она, обернувшись и оглядев нас всех. – Именно мы решаем, что будут носить читательницы в этом сезоне, какую косметику будут использовать, и как заниматься сексом. Так что – больше креатива, дамы и господа! Больше огня! – А затем ее взгляд врезался в меня. – Только никаких яиц, Морозова. Оставь эту мерзость нашим конкурентам.

– И чем ей так яйца не угодили? – Прошептала я, когда Барракуда вышла из зала.

– Ну, ты дала жару! – Принялся обмахивать себя листом бумаги Владик. – Только представьте – яйца! Так и вижу этот заголовок на обложке!

Все дружно начали хохотать.

– А у тебя что? – Я вырвала у него из рук листок. – «Как доставить ему удовольствие: учимся на бананах»?!

– Эй, дай сюда! – Владик подпрыгнул, пытаясь выхватить лист из моих пальцев.

Смех в зале стал еще громче.

– И это, по-твоему, феминистично? – Нахмурилась я. – Почему только женщина всегда должна ублажать, угождать, радовать, стараться и прочее-прочее?

– Ты чего завелась? – Обиженно поджал губы Владик, забрав листок и спрятав в папку.

– Ничего. – Бросила я. – Похмелье у меня.

Все стали собирать свои вещи и покидать конференц-зал. Я подхватила под мышку ежедневник, планшет и повернулась к подруге.

– Ты же пошутила про яйца? – Улыбнулась мне Алиса.

– Нет. А, может, да. – Ответила ей с улыбкой. – Черный юмор и цинизм: что еще мне остается делать в этом обществе идиотов? Спасаясь, как могу.

– И ты надеялась, что она не поручит тебе статью после такого яркого спича?

– Может, мне вдруг стало все равно. Не знаю. – Я пожала плечами.

– А мне понравилось. – Проходя мимо, заметил Усов. – Оригинально.

Это мой давний воздыхатель из отдела продаж. Метр восемьдесят, смуглая кожа, темные глаза, черные волосы, дурацкая борода, скучная рубашка, скучные джинсы, скучные кроссовки. В целом: все довольно скучное.

– Так ты согласен? – Я бросила короткий взгляд на его удаляющуюся спину.

Разве что задница – зачетная. Но даже она такой комплект

не спасает.

– Про соски? – Усов подарил мне улыбку. – Есть, над чем подумать.

– Ого, да это флирт. – Толкнула меня в бок подруга, когда он вышел из зала. – Ты скоро выходишь замуж, не забыла?

Конечно, не забыла. Но поверьте, комплименты, внимание и заинтересованные взгляды немых воздыхателей для несвободной женщины куда важнее. Они держат в тонусе. Напоминают о том, что ты все еще игрок Высшей Лиги.

– Это же Усов. – Поморщилась я. – Умоляю тебя, Алис!

– Парень от тебя без ума.

– Да знаю я. Но хватит меня к нему сватать.

Мы потянулись к выходу вслед за остальными.

– Неужели, это из-за его усов и бородки? – Не отставала подруга. – Представь, если их сбрить. Под ними, наверняка, скрывается симпатяга.

– Какой нормальный парень станет добровольно носить усики?

– Они милые. Ну, согласишься?

– Не мой типаж. – Отмахнулась я. – Усов – вялый, скучный и вообще – никакой.

– Отчего ж не твой? Он похож на молодого Марка Раффало. Или на этого, как его... Макса Мингеллу!

– Боже! Да я досмотрела все сезоны «Рассказа служанки» только из-за его ягодич. Они шикарны! Божественны!

– Но после первого сезона их не показывали. – С сожалением

нием вздохнула Алиса.

– И это разбило мне сердце. – Призналась я.

Смеясь, мы вернулись к нашим рабочим местам.

– А знаешь что... – Сказала я, остановившись у своего стола и смачно зевнув. – Поеду-ка я домой, посплю пару часов. Все равно раньше четырех меня тут никто не хватится. Илюха завтра уезжает на сборы с командой, хоть успеем побыть вместе. Прикроешь меня?

– Без проблем. – Пожала плечами Алиса.

Лучше бы она отказалась.

Но жизнь не кино, назад не отматаешь.

10.50

Где-то глубоко в душе мне было совестно, что все мои коллеги собранные, серьезные и старательные, а я – разгильдяйка. Но это где-то о-о-очень глубоко в душе. Не забывайте, у меня было оправдание побегу из офиса – я наслаждалась своими первыми, по-настоящему серьезными отношениями.

Любая девушка, имеющая за плечами плачевный опыт из многочисленных попыток построить долгосрочные отношения с мужчинами и приближающаяся к отметке «тридцатник», меня поймет. Чем ближе эти ужасные тридцать лет, тем более безнадежным выглядит твое положение.

Кажется, что за этой отметкой уже ничего – выжженная пустыня, где не будет ни молодости, ни легкости, ни личного

счастья. Лишь погоня за идеальной фигурой, борьба с морщинами и целлюлитом, а также бесплотные попытки обзавестись нормальным бойфрендом и родить ребенка, пока твой набор яйцеклеток еще не иссяк.

Потому что нормальных кандидатов разбирают еще до тридцати. И если мужик старше, но все еще не женат, значит – он точно полный отстой.

Мне двадцать восемь. С половиной. И достойных свободных мужчин моего возраста уже нет. Либо остались вот такие никому не нужные придурки и мамины сынки. Либо мной интересуются исключительно разведенные пятидесятилетние папашки с кучей взрослых детишек. Или вдовцы – тоже с отпрысками, разумеется.

А ведь я не уродина.

Красивая, независимая, уверенная в себе женщина. Та самая, глядя на которую мужчины обычно задумываются: потянут или нет, а потом отправляются искать вариант попроще.

Возможно, я и могла бы быть проще, но тогда это уже буду не я.

Поэтому после череды неудачных романов и любовных разочарований, приведших к мысли о том, что мне не суждено стать чьей-то спутницей жизни, встреча с Ильей оказалась подарком небес.

Холостой, невозможно красивый, да еще и спортсмен, Илья Сапожников выглядел белой вороной на вечеринке,

устроенной для представителей шоу-бизнеса одним модным столичным фотографом. Стоял в стороне и со скучающим видом потягивал коктейль. И даже длинноногие модели, пытающиеся время от времени завести с ним разговор, не способны были завладеть его вниманием дольше, чем на полминуты.

Это-то меня и подкупило.

Женщины поймут: мы все немного пасуем при виде красоток с идеальной внешностью и жирафьей шеей. Между ними и обычными представительницами прекрасного пола мужчины обычно выбирают первых, и необходимость соревноваться, подгоняя свой внешний вид под модельные стандарты, надо признаться, всех нас, простых земных женщин, значительно утомляет.

Поэтому отсутствие интереса к манекенщицам со стороны Ильи придало мне уверенности. Я подошла, представилась, и весь остальной вечер мы с перспективным молодым футболистом провели уже вместе.

А далее были красивые прогулки, свидания, походы на выставки и в дорогие рестораны с утонченной кухней. Объятия, поцелуи, признания – все то, о чем я к своим годам уже и не мечтала.

Заботливый, внимательный, с хорошими манерами и ярко выраженными кубиками пресса на животе, Илья был моим счастливым билетом на поезд, который должен был увезти меня из одинокой жизни и доставить прямиком к станции

«Вечная любовь». Все складывалось прекрасно, и мы должны были жить долго и счастливо и умереть в один день.

А умерла я одна – в тот момент, когда вернулась домой раньше и застала в нашем триплексе в центре города кое-кого постороннего.

– Дорогой! – Крикнула я, входя в квартиру.

Скинула шпильки, бросила сумку на пол и прошлепала в кухню, где взяла бутылку шампанского из холодильника. Там же подхватила из бара два бокала и, зажав их меж пальцев, стала подниматься на второй этаж, откуда доносилась негромкая джазовая мелодия.

В душе я обрадовалась: значит, Илья уже проснулся, и мы сможем сразу заняться любовью. Тогда мне было невдомек, что мой жених уже отзанимался ею на нашей общей кровати, только с кем-то другим.

– Котенок, – промурлыкала я, входя в гостиную.

И тут в дверях нашей спальни показалась его фигура.

– Катя? – Жених выглядел ошарашенным и даже испуганным.

Он был без одежды. На его бедрах повязано мокрое полотенце. С кончиков светлых волос капала вода.

В любой другой ситуации вид обнаженного тела призвал бы меня немедленно приступить к делу, но вот выражение его лица... Я моментально сообразила, что здесь что-то не так.

– Почему ты так рано?.. – Вздвинуто спросил жених.

– Сбежала с работы. – Выдохнула я.

– Круто. – С деланным энтузиазмом произнес он.

И в этот момент я перехватила его взгляд, боязливо метнувшийся в сторону ванной комнаты. Кажется, оттуда слышался шум воды.

– Тогда позавтракаем вместе? – Улыбнулся будущий муженек, указывая на лестницу за моей спиной.

– Там кто-то есть? – Вместо ответа осипшим голосом проронила я.

И кивнула в сторону ванной.

– Что? Где... – Начал было бормотать Илья.

Но избавила его от нежеланных объяснений внезапно отворившаяся дверь ванной комнаты, из которой показалась намыленная башка того самого модного фотографа Сержа, устраивавшего вечеринку, на которой мы с Сапожниковым и познакомились. По совместительству – нашего соседа, ведь Серж занимал квартиру на одной лестничной клетке с Ильей.

– Илюша, я не нашел полотенца. – Проворковал он. А потом заметил меня и сказал: – Ой.

Я ожидала от сильного, крепкого футболиста всего, чего угодно: красивую девушку-болельщицу в нашей постели, а то и двух. Но картина, постепенно вырисовывающаяся в моей голове, больше походила на страшный сон.

– Ты и *ты*? – Не веря глазам, произнесла я.

– Катюша, я люблю тебя! – Пospешил воскликнуть спортсмен, подаваясь вперед.

– Ручки, И-лю-ша. – Решительно возразила я. – Мне кто-нибудь объяснит, что здесь происходит? – Обвела мужчин по очереди взглядами. – Умоляю, скажите, что вы только что не принимали душ вместе. Что это все ошибка, и что у Сержа в квартире отключили воду, и ему просто негде было помыться.

– Да! – Радостно подхватил Илья.

– Нет. – Одновременно с ним брякнул Серж.

– Господи. Боже. Мой. – Пробормотала я. – Меня променяли на мужика...

Голова закружилась, а ноги стали ватными.

Последнее, что я увидела перед тем, как потерять сознание, это метнувшегося ко мне Сапожникова. Мысль о том, что он спешит подхватить меня на руки, (как и все, что касалось моего жениха), оказалась ложной. Илюша ловко схватил шампанское и бокалы. А я рухнула на гладкий каменный пол и ударилась головой.

11.00

– Слава богу! Я так испугался!

– Убери от меня свои руки! – Встрепенулась я.

Картинка перед глазами постепенно прояснялась.

Я лежала на полу, рядом, склонившись надо мной, на кор-

точках сидел Илья. Голая задница Сержа мелькнула перед глазами и поспешила удалиться вниз по ступеням.

«Правильно, пусть валит», – промелькнуло в ушибленной голове. Кто знает, на что я способна в гневе?

– Катюша, как ты? – Сочувственно протянул женишок, (теперь уже бывший, разумеется).

Я села, потеряла затылок и уставилась на него. Сапожников по-прежнему казался мне идеалом мужественности и силы. В сознании никак не укладывалось, как такой, как он, мог оказаться геем?

Перед внутренним взором тут же промелькнули все тревожные звоночки, которые раньше мне никак не хотелось замечать.

То, как он прежде высказывался про всю гей-тусовку: пренебрежительно, порой даже агрессивно. А я-то, дура, еще пыталась вразумить его, доказывая, что каждый человек, вне зависимости от ориентации, достоин искренней любви! Защищала Сержа и его многочисленных любовников, призвала Илью относиться к ним с уважением!

Вспомнились и моменты нашей близости, когда приходилось подолгу разогревать Сапожникова: тогда мне казалось, что виной всему его усталость от физических нагрузок на тренировках.

А также один случай, когда пару недель назад я наткнулась на них с Сержем в ресторане. Тогда эти двое уверяли, что случайно встретились в заведении и решили сесть за

один столик. Они так мило болтали, когда я вошла...

И мне было так радостно, что Илья, наконец-то, нашел общий язык с нашим соседом, который в свое время был так любезен, что снял его для обложки мужского журнала, а затем способствовал нашему знакомству. А позже помог Илье купить отличное жилье в центре...

Боже... Так вот почему Сапожников поселился через стенку от него!

– И как долго *это* у вас продолжается? – Вздохнула я.

– Сегодня второй раз. – Признался несостоявшийся будущий муж.

– Третий. – Раздался голос Сержа. Он поднялся к нам и теперь стоял за моей спиной. – На, держи, а то шишка будет.

И протянул мне пакет со льдом.

– Лучше спрячь свою, – вырвалось у меня, – я все еще вижу ее.

Но лед взяла. И тут же приложила к затылку.

– Катрин, прости, – ничуть не смущаясь своей наготы, произнес Серж, – я сам не думал, что у нас случится амур!

Надо признать, фигура у фотографа была отличной. Но даже сей факт не навевал меня на мысли о том, что однажды этот голубок уведет у меня жениха.

Через пару минут мы уже сидели в кухне за столом.

– Когда это началось? – Потребовала объяснений я.

Серж уже успел облачиться в трусы и рубаху. Он пре-

спокойно чистил апельсин, пока Илья виновато полировал взглядом стол.

– Ты так и будешь молчать? – Рывкнула я на Сапожникова.

– Не знаю, как так вышло. – Точно наказанный школьник, промычал он. – Но мне стыдно.

Его поведение начинало выводить меня из себя.

– Ты что, гей? – Спросила я.

Хотя, это было и так очевидно.

– Наверное, би? – Виновато предположил Илья.

Но взгляда на меня не поднял.

– Какие «би», Сапожников? Би это у женщин, а у мужчин – либо гей, либо нет!

– Вот тут я вынужден не согласиться. – Деликатно кашлянув, вмешался Серж.

– А ты заткнись. – Бросила я. Мои пальцы сами сжались в кулаки. – Даже представлять не хочу то, чем вы тут занимались. Блин, это еще обиднее, чем если бы ты изменил мне с женщиной!

– Согласен. – Кивнул Илья.

И вздохнул.

– Так я нужна была тебе для прикрытия?

Наконец, он поднял на меня взгляд.

– Нет, Катюша, нет, я...

– Футбол – жестокий спорт. – Опять встрял Серж. – Таким, как мы, там нечего делать. Неудивительно, что...

– И как долго ты собирался прикрываться мной?! – Взре-

вела я, поднимаясь из-за стола. Так как ответа не последовало, схватила тарелку и с размаху расшибла об пол. – Выходит, ты мне все время врал?!

Илья не шелохнулся. Лишь слегка поморщился.

Тогда я стала бить все тарелки по очереди.

– Послушай, Катрин, – вздрагивая от звуков бьющейся посуды, простонал Серж. – Илюша действительно не собирался тебя обманывать. Я не раз встречал таких, как он, что борются со своей натурой. Но натура, знаешь ли, подлая сука, она все равно однажды возьмет свое.

На пол полетел фарфоровый кофейник, итальянские блюдца, а за ними ваза, которую мы с Ильей выбирали вместе в день заселения в этот триплекс.

– Я люблю тебя, Кать. – Промычал Сапожников, едва воцарилась тишина, и куски фарфоровой шрапнели осели на пол.

– Любишь?! – Воскликнула я. – А его? – Указала на фотографа. – К нему у тебя какие чувства?!

– А меня он хочет. – Улыбнулся Серж, посасывая мандаринку.

Илья не стал возражать.

Поэтому на пол полетел чайник и бокалы.

Но легче мне не становилось.

Следом на пол рухнула стальная миска для взбивания яиц. Разумеется, она не разбилась, только шуму наделала. И тогда от злости я пнула ее ногой.

– Когда появилась ты, я обрадовался, что нормальным стал. – Хрипло проговорил Илья, воспользовавшись паузой. (Посуда закончилась, и я обводила яростным взглядом кухню). – Однажды в школе у меня был оральный секс с другим парнем, но я пытался забыть об этом, приказывал себе не думать о мужчинах... в таком ключе...

– И как ты планировал жить дальше? – Всплеснула руками я. – Жениться на мне, а трахаться ходить к Сержу?

– Я вообще ничего такого не планировал! Оно... само! Он зажмурился.

– Это была неотвратимая страсть, Катрин. – Подтвердил Серж.

– Ты совратил моего жениха! – Возмущенно бросила я в его сторону. – Шалава!

– О, кто еще кого совратил! Знаешь, как резво он меня...

– Не надо! – Взмолилась я. – Не хочу знать, кто из вас кого, и так далее.

– Я завяжу с этим. – Пообещал Илья, хватая меня за запястье. – Обещаю, больше никаких мужчин, Катя!

– Нет уж. – Мне пришлось освободить руку из его захвата. – Нет уж, Сапожников, не нужно ничего завязывать. Серж прав. Тебе нужно отпустить себя на волю. А я... Я не смогу быть с тобой после всего этого. – Покосилась в сторону его любовника. – И даже будь на его месте женщина, не смогла бы. Никогда.

– Зато больше женщин у него не будет. – Попытался успо-

коить меня Серж с ехидной улыбочкой. – А ты, Катрин, еще встретишь своего мужчину. Я абсолютно уверен в этом, ведь ты просто parfait – совершенство!

– Заткнись, – прорычала я.

И уставилась на Илью.

– Нам действительно придется расстаться? – Глядя на меня с жалобным видом, проскулил он.

– Действительно. – Подтвердила я.

Мои надежды на будущее превратились в дым, а сердце разбилось.

– Мне очень жаль. – Сказал Сапожников.

Единственное, о чем жалела я, это глупость, совершенная еще месяц назад: принимая предложение Ильи жить в его квартире, я съехала со своей съемной квартиры. И теперь мне негде было жить.

15.30

Одинокая женщина порой принимает за любовь все, что угодно. Даже заветренную котлету.

Или дешевую шоколадную плитку.

Или букет из четырех хризантем.

В мыслях проносились все моменты моей жизни, когда я настолько отчаянно искала любовь, что, как в омут с головой, бросалась в новые отношения с теми, кто был меня

недостойн. С обманщиками, кобелями, неудачниками и самовлюбленными идиотами, чьих имен и подробных характеристик мне сейчас даже не хотелось вспоминать.

В надежде построить отношения я постоянно мирилась с тем, что не устраивало и никак не могло устроить нормальную, самодостаточную, уважающую себя и здоровую психически женщину. А именно: с пьянством, абюзом, жадностью, хамством, изменами и пренебрежением.

Почему я снова повелась на очередного козла, коим оказался Сапожников? Почему не уловила подвоха, позволила себе раствориться в нем и полностью подчинила жизнь его желаниям и ритму жизни?

А потому что всеми нами – женщинами этой страны – движет одна неумолимая сила: **страх остаться одной до конца своей жизни.**

Все эти «часики тик-так», «тридцатник не за горой», «старородящая», «старая дева» и прочие дурацкие, но укоренившиеся в народе словечки и эпитеты – все это годами используется как метод управления толпой. И висит над нами, девушками, словно дамоклов меч.

«Торопись! То-ро-пись! Ты уже сделала свой выбор?»

«Как нет? Твой поезд молодости уходит! Завтра вообще никому не будешь нужна!»

«Хватай первого встречного-поперечного и тащи в постель размножаться! А там и до ЗАГСА недалеко! Не хочет жениться? Заставь! Все еще не хочет? Ну, и так сойдет. Лишь

бы мужик рядом. Какой-никакой, но есть – хоть перед людьми не стыдно!»

Ведь быть одинокой в этой стране – хуже чумы. Заключают, заплывают, станут пальцами тыкать и (*о, боже, никогда*) обсуждать.

Никому не хочется быть той, на кого указывают пальцами. Лучше стоять в толпе «счастливо замужних» и тоже тыкать пальцем в какую-нибудь «несчастную», обделенную мужским вниманием.

Эй, а где вообще женская солидарность?

Почему мы топим друг друга?

И так уж выходит, что некому тебя взять за руку и успокоить: «Нет никаких рамок и правил, милая. Возраст ни на что не влияет. И мужчины тоже. Ты должна остановиться и прекратить эти отчаянные поиски спутника жизни. Потому что ты *никому ничего не должна* – кроме себя. А себе ты должна лишь одно: быть счастливой. Здесь и сейчас».

Вот твое единственное предназначение, женщина.

Где-то на подсознании и я ощущала это. Но установки, заложенные родителями и обществом, продолжали шептать, притворяясь моим внутренним голосом: нужно успеть, нужно найти кого-то, чтобы не остаться одинокой и несчастной. Скорей! Скорее!

И вот теперь я плелась по улице – одинокая и несчастная.

Из-за того, что снова вляпалась не в того мужчину, и снова позволила ему разбить мое сердце.

– Свободных номеров нет. – Ответили уже в пятой по счету гостинице.

И мне не оставалось ничего, кроме как уйти ни с чем и отправиться на дальнейшие поиски.

Я тащила за собой чемоданчик на колесах и оглядывала вывески. Все тот же внутренний голос твердил, что нужно позвонить Алисе и все рассказать, но мне было так плохо, что казалось, стоит услышать ее голос, и я разревусь. А Катя Морозова никогда не ревела – даже если никто не видел. Я просто не могла себе позволить подобного. Никогда.

– Девушка, у вас колготки порвались. – Шепнула мне проходящая на светофоре.

– Правда? Спасибо. – Улыбнулась я.

Оказывается, солидарность еще осталась.

Опустив взгляд, я обнаружила расползающуюся стрелку – от бедра и до колена. Значит, и закон подлости никто не отменял. И если уж какой закон и работал без сбоев, то это был он: неприятности никогда не приходили по одной.

И как доказательство моих мыслей, тут же с неба обрушился ливень. Беспощадный, противный, с огромными каплями, пронизывающими одежду насквозь.

Все прохожие рванули на зеленый сигнал светофора. Я подхватила чемодан, тоже дернула за ними, поскользнулась

и... едва не растянулась на темнеющем от влаги асфальте – сломалась шпилька на новеньких красных Pura Lopez!

– Дерьмо! – Прорычала я и поковыляла на другую сторону дороги.

К тому времени, как мне удалось, хромая, добраться до тротуара, водители машин уже нетерпеливо сигналили, поторапливая.

– Пошел ты! – Крикнула я, показывая средний палец одному из этих придурков.

Отошла на пару шагов и увидела свое отражение в витрине. Неудивительно, что никто не ринулся мне помогать: выглядела я точно мокрая курица. А дождь продолжал хлестать, прошивая мою одежду и наводя беспорядок в волосах.

Забежав в ближайший торговый центр, я устроилась под кондиционером. Так и стояла под ним, стуча зубами и ожидая, когда высохнут волосы. А затем двинулась вдоль торговых рядов, хромая, чтобы отыскать сеть, в которой можно было приобрести пару новых колгот.

– Добрый день! – Обратилась я к консультанту, оказавшись в большом, ярком зале, уставленном полками с косметикой, духами и аксессуарами для волос. – Мне нужны колготки.

Молодой мальчишка оглядел меня с пренебрежением, затем наклонился к уху и понимающе прошептал:

– А еще я порекомендовал бы вам хороший дезодорант.

– Что?

Я покраснела от злости.

Но ответ на вопрос о происхождении его дерзости нашелся быстро: в отражении зеркала. Оказалось, потоки воздуха от кондиционера высушили меня неравномерно, и теперь под мышками у меня красовались большие мокрые круги.

– Черт! Черт...

17.32

– Я сдаюсь.

– Катюшка, что случилось?

– Срочная девичья помощь! – Пискнула я в трубку. – Илья мне изменил!

– Сейчас буду. – Решительно сказала Алиса. – Ой, а куда ехать?

И я назвала ей адрес гостиницы, в которой остановилась.

18.10

Честно говоря, эта гостиница была мне совсем не по карману.

Денег на счету хватило бы лишь на шесть ночей пребывания в этом роскошном номере с широкой кроватью, уютным балкончиком и видом на деловой центр. И то, если не тратить их ни на что другое.

Упс.

Но сегодня мне не хотелось думать об этом. Было одно желание – упасть на белые простыни, взять бокал шампанского, свежую клубничку в шоколаде и сделать вид, что все это происходит не со мной.

Так я и сделала.

А когда в номер завалились всполошенные подруги, приказала им успокоиться и не переживать за меня.

– Катя, Катюшенька, ты пореви-пореви, легче станет! – Причитала Алиска, бегая вокруг меня.

– Да не собираюсь я плакать, – смеялась я, размахивая шампанским, – я ж Катюха! Я могу только ржать!

– Совсем дела плохи, – переглядывались девчонки.

Диана, наш редактор-обозреватель из fashion-отдела, принесла мне воды и поставила на столик. А Люба, новенькая ассистент, или как у нас говорят, coffee lady, заботливо разложила передо мной носовые платки. Судя по их лицам, они решили, что я тронулась умом.

Честно говоря, я и сама так думала. Трудно было не тронуться после того, что произошло со мной сегодня утром.

– Я так и знала! – Заявила Алиса, после того, как я закончила свой рассказ. – Не в смысле, что он гей, а то, что мужчина, который выглядит так потрясающе и ухоженно, не может быть надежным!

Мы все сидели на полу вокруг низкого столика с шампанским и десертами.

– А я догадывалась. – Залпом осушив бокал шампанского, вступила в разговор Люба. – Сразу как ты сказала, что он слушает Билли Айлиш и Клаву Коку!

– Да мы ж постоянно ходили в обнимку! – Сетовала я, заедая горе клубникой. – Я думала, у нас любовь!

– На прошлой неделе, когда мы с вами вместе сидели в баре, Илья сказал, что в детстве мечтал стать балериной. – Напомнила Диана. – Вспоминаешь?

– Точно! – Воскликнула Алиса.

И в этот момент я поняла: что-то неладное видели все, кроме меня. А вслух сказала лишь:

– Вот почему он был единственным, кто не пытался воевать с Валерой и Филей...

– С кем? – Нахмурилась Люба.

– С ее вибраторами. – Пояснила Алиса.

– Мужчины ненавидят их. – Подтвердила Диана.

– Ненавидят и боятся. – Поправила ее я. – Потому что не выносят конкуренции. Сапожников был первым, кто не возмущался тому факту, что у меня есть маленькие верные друзья, и не требовал, чтобы я избавилась от них.

– Ну, теперь все ясно. Точно гей.

– А каким он был в сексе? – Вдруг спросила Люба.

– Даже не знаю. – Я пожала плечами. – Нормальным, что ли.

– Но не супер? – Уточнила Алиса.

– Мне казалось, что со мной он делает успехи. С каждым

разом Илья чувствовал меня все тоньше.

– Плохой секс это очень плохо. Очень, очень плохо...

– Он не был плохим. Он был...

– Никаким? – Подсказала подруга.

Я вздохнула.

– Понимаешь... Нельзя сказать мужчине, что он плох в постели! Проще сказать ребенку, что он приемный! – Обвела собравшихся взглядом. – А я работала над нашими отношениями, потому что считала, что это любовь.

– Никуда не годится. – Покачала головой Диана.

– И ведь это ты всегда нам говорила, как важно, чтобы секс с мужчиной доставлял удовольствие. – Напомнила Люба.

– К черту! – Перебила их Алиса, подняв бокал. – Плюнь и разотри! Пусть Сапожников валит к дьяволу и кусает там свои локти! А ты, Катюха, считай, что отделалась малой кровью! С освобождением тебя!

Мы чокнулись шампанским, выпили и обнялись. А потом танцевали и орали песни до полуночи.

Жаль, что с годами свободных подруг становится все меньше и меньше. Около двенадцати Алиса уехала домой к мужу и шестимесячной дочери, Дианка побежала на свидание, а Любу забрал жених.

И только когда двери за ними закрылись, я позволила себе пустить слезу.

Не так-то просто отпустить того, кто стал частью твоей

жизни. Пусть и на время. Ты плачешь, скорее, о себе – о той, кем ты была рядом с ним, и по тем ощущениям, которые в те моменты испытывала.

Это печально, конечно. Но не конец света.

2 октября, суббота

02.30

Это конец!

Ничего больше не будет!

Я никогда больше не буду счастлива!

03.55

Пачка сигарет, две бутылки розового шампанского разных марок, вишневый ликер, упаковка меренговых пирожных из местного десерт-бара.

Не помогает.

– Алло!

На линии зашуршало, послышалась возня, затем торопливые шаги. Похоже, Алиса вышла из комнаты, чтобы, ответив на мой звонок, не разбудить мужа.

– Алле, Кать? – Хрипло пробубнила она.

Я посмотрела на часы. Почти четыре утра, мы расстались четыре часа назад.

– Прости, что разбудила.

– Ничего страшного, – вздохнула подруга. – Что-то слу-

чилось?

– Да. То есть, нет. – Я вышла на балкон в тонкой ночной комбинации и поежилась. – То есть, да.

– Говори.

– Мне не нужен мужчина, чтобы быть полноценной.

– Что?

– Я сама стану мужчиной, Алис.

На линии снова зашуршало.

– Что ты сказала? Повтори. Боюсь, я тебя не расслышала.

Я обвела взглядом улицу, залитую серебристыми огнями фонарей и витрин, и вдохнула прохладный ночной воздух.

– Если мужчина с кем-то спит, это еще не означает, что он влюблен. Отныне и у меня будет также: никаких привязанностей, никаких чувств и обещаний, только удовольствие. Думаю, это будет честно.

– Катя, я не понимаю...

– Моногамия не для меня, подруга. Мужчины издеваются над нами. Не звонят после свидания, а мы ждем. Отныне я не стану ждать – никогда. Они хотят молодого, крепкого тела, потому и уходят. А мы страдаем. Мужики изменяют! Тупо потому что хотят разнообразия. Кайфа первого секса. Разрядки и ничего серьезного. Почему у нас не может быть так?

– Может, потому что мы... женщины? – Предположила она. – Потому что у нас просто так и без чувств не бывает?

– Ерунда! – Бросила я. – Это все они нам внушили. Чтобы держать в узде, пока сами будут изменять!

– Сколько ты выпила, подруга?

– Это неважно. Важно, что я больше не верю в любовь. И что она больше не нужна мне для того, чтобы быть счастливой. Я и так счастлива. Я в гармонии с собой! – Я икнула и уперла локти в парапет. – Больше никаких отношений. Клянусь! Отныне я тоже стану фанатом первого секса.

– Что конкретно ты имеешь в виду? – Зевнула Алиса.

– Какой самый яркий и самый приятный секс? Разумеется, первый. От него замирает сердце, и сводит каждую клеточку тела. Я буду брать от жизни вот это самое ощущение, а затем, ни о чем не жалея, идти дальше.

– Уточни, пожалуйста, это же не значит, что ты будешь спать со всеми подряд?

– Только с теми, кто понравится.

– Кажется, это называется промискуитет. Беспорядочные половые связи из-за боязни одиночества и смерти.

– Вычитала в журнале?

– В прошлом выпуске *Manner*.

– Профдеформация. Мы слишком много времени посвящаем этому бесполезному изданию, Алиса.

– Не уходи от темы. Если ты действительно решила спать с мужчинами ради удовольствия, значит, ты совершенно отметаешь возможность того, что встретишь однажды свою настоящую любовь?

– Довольно с меня любви, подруга! Я любила Сапожникова, как могла. Выше головы не прыгнешь, шире жопы не

пернешь. Это был мой максимум. И моя последняя попытка.

– Катюха, не отчаивайся ты. Всего несколько часов прошло с вашего расставания, ты еще оправишься, вот увидишь. Сейчас тебе кажется, что мир рухнул, но...

– Ты не поняла. *Я больше не боюсь быть одна.*

– Ты уверена?

– Одиночество не губит женщину. Если никто не выносит мозг, женщина становится свободной и счастливой.

– Что-то случилось? – Послышался голос Доктора Красавчика (так мы называли Алискиного мужа).

– Тут Катя, ей не спится. – Тихо ответила подруга.

– Вадим, привет! – Проорала я.

– Зря вы оставили ее одну. – Сочувственно произнес он. – В таком-то состоянии.

– Не одну, а с шампанским! – Крикнула я.

– Катюха, все будет хорошо. – Сказал Вадим, приблизившись к динамику телефона. – Держись.

– Знаю. – Крякнула я. – Прости, что разбудила.

– Ничего. Мне уже пора на смену. – Выдохнул он.

И вернул телефон жене.

– Он меня уже ненавидит. – Прошептала я.

– Вовсе нет. – Тихо ответила Алиса. – Мы все тебя любим.

– И я вас.

– Как думаешь, придешь в себя до понедельника? В обед мы берем интервью в звукозаписывающей студии в центре.

– У того рокера? Конечно, буду в норме.

16.00

Прелесть одинокого завтрака в том, что можно есть сидя на полу – в трусах, в носках, и нечесаной. А посуду можно убирать под кровать, чтобы не мозолила глаза, и никто не подумает, что ты неряха.

Кроме персонала гостиницы. Но они, полагаю, и не такое видели.

А еще можно не бояться, что пепел упадет на ковер или прямо тебе на живот. Можно вообще ничего не бояться.

И даже плакать.

Ведь никто не услышит.

21.45

Обещаю себе:

- не влюбляться;
- не строить планов насчет мужчин;
- не верить мужчинам (подчеркнуто);
- полагаться только на себя;
- думать в первую очередь лишь о себе;
- наслаждаться свободой и новой жизнью.

Трудно будет убедить весь мир в том, что я счастлива в одиночестве, если не прекращу рыдать в подушку. Лицо уже опухло от слез, глаза покраснели, а губы треснули.

Попыталась решить вопрос двумя фисташковыми бельгийскими пирожными, тремя профитролями и плиткой молочного шоколада.

Настроение улучшилось, но на будущее стоит подумать о заднице. Вряд ли, она влезет в любимые джинсы, если продолжу в том же духе.

3 октября

02.50

Да, я одинока. Но что ж теперь делать? Не биться же головой о стенку?

Буду наслаждаться жизнью и сексом и ничего не чувствовать. Долой романтику, даешь честные отношения ради удовлетворения взаимных потребностей!

Отныне я буду выбирать не мужчин, а объекты для сексуальных отношений.

Примечание: Если ты не влюбляешься, то твое сердце и не разобьется.

04.50

Еще двенадцать сигарет, бутылка вина, восемь выпусков популярного шоу на YouTube и упаковка венгерского салями из ресторана.

Пора обрести власть!

Власть над мужчинами.

Власть над своей жизнью.

Власть над своим временем (которое больше не нужно тратить на отношения).

Двадцать раз повторила «Я счастлива, и я знаю себе цену».

4 октября, воскресенье

14.35

Приснился ужасный сон. Будто бы Серж похитил Филю и Валеру, а на просьбы вернуть рассмеялся со словами: «Я заберу у тебя все! Все!»

Проснулась в холодном поту.

Извинилась перед вибраторами за то, что мы отдалились с тех пор, как в моей жизни появился Илья.

И как я могла забыть тех, кто всегда будет верен и никогда меня не предаст?

17.50

Поняла важные вещи.

У каждой нормальной женщины к тридцати годам должен быть:

- крутой парикмахер;
- хороший вибратор;
- красивый стоматолог (чтобы стонать не от страха и боли, а от возбуждения);
- солидный счет в банке;

- отпадные туфли – лучше коллекция;
- алкогольный бар в квартире – это удобно.

Над некоторыми пунктами еще следует поработать.

Что еще забыла?

Работу мечты, мировых подруг, кредитку с большим лимитом.

Мне нужно поспать.

19.20

Нет никаких сил. Лежу.

23.00

Все еще лежу. Смотрю в потолок.

Вот бы никогда не вставать.

01.30

Нужно что-нибудь съесть.

– Алло, обслуживание номеров?

5 октября, понедельник

13.00

Звукозаписывающая студия располагалась на тринадцатом этаже популярного бизнес-центра. Полагаю, аренда здешним обитателям обходилась в баснословные суммы, ведь все эти виды из широких стеклянных окон в пол, блестящие полированные панели на стенах в коридорах, позолоченные ручки на дверях и мраморные полы – все это создавало ощущение роскоши и должно было как-то окупаться.

– Где здесь лифт? – Нахмурилась Алиса, разглядывая ответвления бесконечных коридоров.

– Сюда. – Подсказал администратор, встречавший нас в холле.

И указал в зал, облепленный зеркальными панелями.

– Жми сразу все кнопки. – Посоветовала я подруге, разглядывая вереницу лифтовых шахт с идеально блестящими створками дверей. И обнаружив покраснение на своем носу в отражении зеркал, печально вздохнула: – Ну, вот. Будет прыщ. Как будто без него не тошно.

Вчера я была просто одинокой, а сегодня одинокой уродиной.

— Готова биться о заклад, ты все выходные поглощала сладости в невероятных количествах.

— Бинго. — Хмыкнула я.

И мы вошли в лифт.

Алиса знала обо мне практически все. По крайней мере, все мои привычки и заморочки. Познакомились мы, когда она пришла работать в Manner. В те времена я сублимировала свое сексуальное желание в шопинг, отчего тот получался неукротимым: каждый раз, когда я страдала от недостатка секса, бежала в ювелирный и покупала себе новые украшения.

На душе становилось легче. В кошельке тоже.

Потратив большую часть заработка на сережки и кольца, я вынуждена была экономить на еде, отчего начала стремительно худеть. Поняв, что теряю вес и здоровье, я начала отъедаться. И для экономии бюджета отказалась от покупок украшений, отчего сексуальная энергия стремительно потекла в булки и десерты — так я старалась заместить отсутствие любви едой.

Вес вернулся и продолжил прибывать.

А следующие полгода я потратила на поиски и тестирование на себе всевозможных диет, так как осознала, что не могу остановиться. Ночные зажоры хорошо купировали тревожность и нервную раздражительность, но их частота и продолжительность начинали пугать.

И только Алиса тогда помогла мне отвлечься и разорвать

порочный круг «расстроился – нажрался – испытал стыд и чувство вины – нажрался снова». Только она знала, какой слабой и ранимой я могу быть, когда мир вокруг меня начинает чудить, и каких трудов мне стоит всегда оставаться позитивной и ухоженной.

– Спасибо, что помогаешь. – Улыбнулась подруга, нажав на кнопку с номером «тринадцать».

– Я только рада. – Честно ответила я.

Дочке Алисы скоро должно было исполниться шесть месяцев, но подруга уже начала выходить на работу на неполный день. Я восхищалась ее силе и решимости. А еще тому, что она ни капельки не подурнела после родов. Вот с кого мне сейчас стоило взять пример. Обрести контроль над своей жизнью, расправить плечи, узнавать себя и свои желания. Жить на полную катушку.

То, что доктор прописал.

Помещение студии оказалось огромным, с высокими потолками, дизайнерской мебелью, большим количеством света, воздуха, а также секретарем в приемной на входе.

Нас встретила супруга рокера – одетая в кожу, загорелая, с большим количеством пирсинга женщина лет сорока. Она показала нам самую студию, где записывается музыка – ею оказалось изолированное помещение без окон в конце коридора с большим количеством музыкального оборудования, каморку звуковиков и зал для чаепитий, в котором она уса-

дила нас на лиловый кожаный диван.

Сам же рокер Алекс Каплан оказался высоким, худым и помятым дядькой, который, судя по выражению лица, мучился сегодня от похмелья точно так же, как и я.

Пока Алиса гоняла их по опроснику, делая вид, что крайне заинтересована ответами, я вела запись на диктофон, а также на ходу отмечала интересные темы для наводящих вопросов у себя в папке.

Вообще, эти Капланы были интересной парочкой. Супруга рокера разговаривала надменно, но чувственно, будто у нее прямо сейчас был оргазм, а он сам держался словно представитель клана Сопрано – смотрел на нас свысока и даже слегка, я бы сказала, угрожающе.

Очень скоро мне наскучили их речи, и я достала не пойми откуда взявшийся в папке листок с черновиком редакторской колонки Mapper, на котором над текстом сверху красовалось не самое удачное фото Барракуды, и стала на нем рисовать. Художественные таланты у меня, надо признать, так себе, но фантазии не занимать, поэтому все мое раздражение, предназначавшееся начальнице, вылилось в изображение мужского полового органа, направленного, как меч искупления, прямо на ее лицо.

Я ухмыльнулась, довольная своей шуткой, и спрятала листок обратно в папку, а через секунду в помещение вошел наш фотограф Давиди.

– Простите, опоздал! – С ходу воскликнул он, доставая

оборудование.

– Мы уже закончили, – успокоила его Алиса, – самое время сделать пару кадров.

– Сейчас подготовлю оборудование. – Фотограф засуетился у стола, раскладывая объективы и линзы.

– Раз мы уже все, выйду покурить. – Сообщила я, вставая.

– Позвольте, провожу вас. – Вызвался Каплан. – Иначе вы непременно заблудитесь и потеряетесь в соседнем крыле.

– Такое уже бывало?

– Не раз.

– Спасибо. – Пожала плечами я.

Алиса осталась с его женой, а рокер вывел меня из студии и повел по коридору.

– Как тебя, лапуля? – Спросил он, едва мы завернули за угол.

– Катя. – Удивленно ответила я.

«Лапуля» не входило в число моих любимых прозвищ. Также от меня не ускользнул оценивающий, рыскающий взгляд Каплана, пробежавший по моим голым ногам.

– Ты мне нравишься, Катя. – Улыбнулся мужчина, открывая передо мной стеклянную матовую дверь.

Мы оказались в курилке для сотрудников. Рокер достал зажигалку и помог мне прикурить.

– А еще мне польстил твой интерес.

– Интерес? – Подавилась дымом я.

Он придвинулся ближе. От него пахло травкой и чес-

ноком.

– Я же видел, *как* ты смотрела там на меня. – Прогундосил Каплан.

– Вообще-то, мне понравились заплаты на ваших брюках. – Я постаралась деликатно отодвинуться. – Стильно.

– Ты пробудила во мне желание. – Прошептал он и прижал меня к стене.

Благодаря его внезапному выпадку, я ощутила наличие желания у этого мужчины в полной мере – оно упиралось мне прямо в бедро всеми семью своими сантиметрами.

– Простите, пожалуйста, а как же ваша жена? – Закашлялась дымом я.

– Мы с ней давно уже просто бизнес-партнеры. – Прохрипел рокер, вдавливая меня в стену и лихорадочно исследуя мои бедра.

– Алекс, я не... – попыталась сопротивляться я, ощутив, что его бесстыжие лапы продвигаются все выше и выше.

Но в следующий момент его мокрый язык уже скользнул мне в рот.

– Не нужно. – Отвернула лицо.

– Лапуса, – прихрюкнул Каплан, пытаясь целовать мою шею.

На удивление, несмотря на хилое телосложение, мужчина оказался сильным – подхватил меня под бедра и, не обращая внимания на попытки сопротивляться, с усердием и прямо на весу придавил к своему паху и опять полез с поцелуями.

– Ой, нет! – Взвизгнула я, прыгивая. Отшвырнула сигарету в урну и одернула юбку. – Вы меня простите, но никогда не мутить с женатиками – одно из моих непреложных правил. К тому же, и к року я не очень...

И пулей вылетела из курилки.

Вернулась в студию, схватила сумку, папку и без лишних объяснений удрала с этажа.

17.00

В офисе. Мы засели в женском туалете, обсуждая мужчин. Диана подкрашивала ресницы у зеркала, я устроилась на каменной стойке с раковинами, разглядывая маникюр, а Люба прямо из кабинки вещала нам о странностях своего жениха.

– После поцелуев со мной он всегда чистит зубы. – Возмутилась она.

– Может, переживает о своих зубах? – Предположила Диана. – Сейчас услуги стоматолога стоят как полет в космос! Неудивительно, что люди так озабочены здоровьем, что чистят зубы по семь раз в день – после каждого приема пищи. Это дешевле, чем лечить.

– А у меня ирригатор. – Брякнула я. – С тех пор, как приобрела, недоумеваю, как раньше без него справлялась?

И тут же вспомнила, что незаменимый чудо-прибор остался в ванной комнате у Сапожникова. Очень жаль, ведь он мне так дорог – я купила его с первой зарплаты в Manner.

– А после секса Филипп сразу бежит в душ! И даже пять минут не хочет понежиться, не говоря уже о том, чтобы заснуть вместе! – Простонала Люба. Послышался звук смываемой воды, девушка вышла из кабинки и принялась мыть руки под краном. – Когда я его спросила, неужели он хочет отмыться от меня, – поделилась она, – он ответил, что и мне следует поступать так же, если не хочу быть грязнулей. И добавил, что это норма для всех людей, ведь во время секса мы обмениваемся жидкостями.

Мы с Дианой переглянулись.

– По-моему, он слегка помешан на жидкостях. – Прочистив горло, ответила я.

– А разве когда любишь человека, его жидкости не становятся тебе родными? – Задумалась Диана.

– А я о чем! – Ударила рукой по смесителю Люба.

В следующее мгновение в туалет заглянула младший редактор Вика.

– Вот ты где! – Бросила она мне. – Мы тебя обыскались. Иди скорее, Аллочка вызывает тебя к себе!

– Иди, иди, – засуетились девчонки.

– Наверное, по поводу интервью. – Сказала я, спрыгивая на пол.

Вернулась к столу, взяла свою папку, а также бумаги Алисы – до ухода из офиса она успела расшифровать почти половину аудио-записей, и отправилась с отчетом на ковер к начальнице.

– Кать, ты что сегодня вечером дел... – Подкатил ко мне в коридоре Усов.

– Сразу нет. – Отрезвила я его. Обогнула по дуге, словно боюсь чем-то заразиться, и потрясла в воздухе папкой. – Извини, я к Аллочке!

Он проводил меня печальным взглядом, а я, торопясь на поклон к шефине, вдруг поймала себя на мысли, что даже не знаю его имени.

– Здравсьте. – Постучав дважды для приличия, ворвалась в кабинет.

Барракуда сидела во вращающемся кресле. Оно медленно повернулось прежде, чем явить мне хозяйку во всей красе. Лицо Аллочки Денисовны было темнее тучи.

– Морозова. – Сказала она холодно.

В голове мелькнуло: моего имени она тоже не знает.

– Если вы по поводу интервью... – Я вытянулась в струнку.

– Да. – Женщина встала, продефилировала к широкому столу, взяла пульт и включила монитор, висящий на столе. – О нем самом.

– Все было на высоте, если вы об эт... – И осеклась.

На экране красовался ролик, размещенный на одном из видео-хостингов. Он был коротким, всего несколько секунд, но эти секунды были зациклены и повторялись друг за другом.

На этом видео рокер Каплан подхватывал меня под бедра,

прижимал к стене и терзал губами мою шею. Снова и снова. И выглядело это так, будто мы с ним... Боже! Какой позор!

– Что это? Как? – Только и смогла выдавить я.

– Мне позвонила госпожа Каплан. – Отчеканила Барракуда. – Этот ролик разместили в сети два часа назад. На нем уже пятьдесят тысяч просмотров!

– Но я не...

– Моя сотрудница занималась сексом в курилке с известным рокером, пока его супруга ждала их в соседней комнате. – Тихо произнесла Алла Денисовна. А затем завизжала: – Как прикажешь это понимать?!

– Это какое-то недоразумение. – Пробормотала я. – Все действительно выглядит так, будто мы... Вы можете это выключить?

– Нет уж, Морозова, тебе придется наслаждаться этим видео снова и снова, ведь это твой звездный час!

– Алла Денисовна, не понимаю, кто это снял?

– Камера видеонаблюдения. – Фыркнула начальница. – Как тебе вообще пришло в голову вытворять такое в помещении с камерой? Это конец! Теперь не будет никакого материала! Чем мы заменим интервью в свежем выпуске? А? Может, у тебя есть знаменитости, с которыми ты еще не спала?!

– Да не было у нас с этим Капланом ничего! – Воскликнула я, разведя руками, отчего из папки посыпались листы. – Он сам ко мне полез, а я его отшила! Откуда мне было

знать...

Барракуда прищурилась, заметив что-то на полу. Наклонилась и подняла один из листов. К моему несчастью, им оказался тот, на котором я пририсовала мужской детородный орган к ее лицу.

– Черт... – выдохнула я.

– Ты уволена, – переведя гневный взгляд с рисунка на меня, прорычала Барракуда.

Клянусь, в тот момент я видела, как из ее ноздрей валит дым.

19.50

Лежа в ванне с пеной, я мысленно пересчитывала оставшиеся деньги. Если выехать из гостиницы завтра до обеда, то не придется платить еще за день. Так у меня останутся средства не то, чтобы протянуть пару недель в режиме строгой экономии. Строжайшей, по правде говоря. А там я, может, уже и найду работу.

Но где же мне жить все это время?

Не сомневаюсь – Алиса с радостью меня приютит. Но ужасно не хочется стеснять молодую семью. К тому же, у нее маленький ребенок, а он орет ночами. После рассказов двоюродной сестры Насти о радостях материнства мне хочется держаться подальше от детей, особенно от новорожденных. Шестимесячный малыш ведь считается новорожденным?

Боже, как я далека от этой темы!

Нет, жить у Алиски не вариант.

Позвоню родителям. Моя комната в доме пустует, так что они даже не заметят, что их великовозрастная дочь вернулась и заняла ее. Главное, уходить пораньше и возвращаться попозже, чтобы не выпилили в моем мозгу тоннель своими нравоучениями.

Стоит признать, положение у меня действительно безвыходное, раз я размышляю об этом. Но хочется верить, что все это лишь временные трудности.

Да, пожалуй, стоит позвонить маме. С чего же начать разговор?

«Привет, мама, как дела? Извини, что не приезжала на Новый Год и майские. Кстати, я переезжаю к вам».

Пойдет.

Я потянулась за телефоном, но, как только взяла в руку, тот разразился знакомой мелодией – это звонил Сапожников. Что такое? Хочет вернуть ирригатор?

«Катя, возьми телефон – это он!» – надрывался смартфон.

Знаю, песня давно устарела, но я реально полагала, что Илья – тот самый. Телефон чуть не выскользнул из мокрых пальцев, я с трудом удержала его и прижала к уху.

– Да.

– Алле, Катюш, узнала? – Послышалось из динамика.

– Да, у меня на экране высветилось «Сраный изменник». – Буркнула я. – Это же ты?

– Все верно. – Вздыхнул Сапожников. – Я так рад, что ты не внесла мой номер в черный список.

Вот дура. Так и следовало поступить. Но умные мысли, как известно, приходят слишком поздно.

– Ты что-то хотел?

– Вообще, да. Мне жаль, что все так нехорошо вышло.

– Нехорошо? Ты никогда не умел подбирать выражения, Сапожников.

В душе у меня опять поднималась буря обид и негодования.

– Прости. Просто мне так грустно.

– Что, не согревает тебя твой Серж ночами в большом холдном триплексе?

– Катя, я сейчас с ребятами на сборах.

– Так не теряй времени даром. Вы ж там вместе в душевую ходите, если я не ошибаюсь? Соблазни кого-нибудь из товарищей по команде. Кого-нибудь покрепче, поволосатее.

– Я понимаю, какую боль тебе причинил.

– Ничего ты не понимаешь, Илюша. Ты меня уничтожил. Меня больше нет. – Задыхаясь, призналась я. – А то немного, что осталось, требует возмездия.

– Я не хотел. Это что-то внутри меня, понимаешь? На секунду подумалось: а, может, разок, а потом отпустит, и больше не захочется? И так все закрутилось...

– Замолчи.

Мои пальцы из последних сил крепко стиснули телефон.

— Я ведь люблю тебя, Кать.

— Да как ты... — И на этих словах аппарат выскользнул у меня из рук и нырнул прямо в воду. — Нет, нет! Черт, черт! — Запричитала я, вылавливая его из воды.

21.30

Попытки реанимировать телефон, разумеется, провалились. Как-то я слышала, что его нужно закопать в рисе, чтобы тот вытянул на себя всю влагу. Но откуда ж взяться рису вечером в шикарной гостинице? Поэтому смартфон лежал на журнальном столике, а я уже битый час металась вокруг него, поливая Сапожникова отборными ругательствами.

Ведь это надо же быть таким! Сердце мне разбил, достоинство растоптал, так еще и имущество уничтожил!

В этот момент мне захотелось сделать что-то такое, что причинило бы Илье такой же вред, какой он причинил мне. Например, уничтожить парочку его вещей. И я стала судорожно вытрясать из чемодана вещи, надеясь отыскать хоть что-то принадлежащее бывшему жениху.

Открытка, ручка, кепка, дезодорант, перчатки, солнечные очки, билет с матча, в котором он забил хет-трик.

Я яростно скидала все найденное в ведерко от шампанского, затем достала зажигалку, подожгла билет и швырнула туда же следом. Огонь радостно переметнулся с билета на открытку, пламя потянулось вверх, а я, глядя на заходящий-

ся костерок, допила залпом остатки шампанского – прямо из бутылки.

Села на диван и стала наблюдать за горящими вещами Сапожникова. И как-то, честно говоря, даже полегчало на душе. Как будто вместе с дымом, заполняющим комнату, уходила и моя печаль.

Даже сейчас, прокручивая все случившееся в голове, я не отказываюсь от мысли, что этот очистительный ритуал был мне крайне необходим.

Перед тем, как в ведре рвануло, я успела взглянуть на датчики задымления и подумать о том, что, наверное, следовало бы вынуть из костра баллончик дезодоранта. Но умная мысль... вы же помните?

Бабахнуло так, что я подскочила.

Ведро свалилось со столика, языки пламени разлетелись по полу, и тут же вспыхнул ковер с высоким ворсом. От мысли вызвать пожарных пришлось быстро отказаться – телефон-то сдох. Поэтому я выбежала в коридор, заорала: «Горим!», а затем вернулась в номер и стала предпринимать попытки потушить пожар покрывалом.

К тому времени, как покрывало догорело, комнату уже заволокло дымом. Решив, что пора убираться, я стала пробираться к двери. А дальше – дальше пустота.

6 октября, вторник

12.00

Унизительно.

Унизительно очнуться в машине скорой помощи, когда тебе пытаются делать искусственное дыхание. Унизительно, еще до конца не придя в себя, получить по телефону нагоняй от администрации гостиницы за порчу их имущества, а также угрозы, что «страховая со мной непременно разберется».

Унизительно – оказаться на рассвете на улице с пакетом уцелевших после пожара вещей: как мне объяснили, пожарный обнаружил меня на полу, прижимающей к груди сверток с мелочевкой, которую успела собрать до того, как все заволочло дымом.

И ладно бы, если там были документы. Так ведь нет. Погружаясь в сон, вызванный отравлением продуктами горения, я прижимала к груди Филю с Валерой, любимую помаду и пару пудровых Valentino на двенадцатисантиметровой шпильке с позапрошлоголетней коллекции.

И только ленивый не обсуждал в приемном покое, как я, пребывая в состоянии отключки, мертвой хваткой удержи-

вала в объятиях дорогущую обувь и своих верных друзей.

Унизительно еще и то, что у меня не было средств связи, и некуда было ехать, поэтому я остановила попутку и назвала единственный адрес, по которому могла найти приют – адрес своих родителей. Не знаю уж на что рассчитывал водитель – тучный мужчина лет пятидесяти – но платить ему, чем-то более весомым, чем «простое человеческое спасибо», я не собиралась.

Унизительно, что он все-таки попытался ухватить меня за коленку. И что я, удирая от него по придорожным кустам, все-таки сломала каблук на туфлях, которые так отчаянно спасала от пожара. А ведь это была моя последняя пара приличной обуви!

Крайне унизительно и то, что в таком виде мне пришлось явиться к родным и объяснять, что со мной произошло.

А также то, что я лежала теперь на своей детской односпальной кровати, одетая в давно вышедшее из моды платье, в котором когда-то поступала в университет, и смотрела в потолок, который когда-то в детстве обклеила самодельными, криво вырезанными из блестящей фольги звездочками.

– Катя, спускайся к столу, обед готов! – Сказала мама, заглянув в комнату.

Аллилуйя! Как же я была рада, что хоть что-то не меняется в этом мире: в родительском доме всегда можно получить горячей еды.

– Гости приехали. – Добавила она.

А вот это уже было явной подставой. Ведь если мать с отцом, доканывающих тебя нравоучениями, еще можно было терпеть, то сборы родственников всегда ознаменовывались крупными словесными баталиями. Все присутствующие за столом всегда будто соревновались в том, кто вывалит больше подробностей о своих детях – их больших и маленьких успехах и, что удивительно, неудачах тоже, ведь поругать прилюдно при всей родне, это вообще самый смак, вершина родительской заботы!

– Ты как-то осунулась. – Нахмурившись, поприветствовала меня бабуля. Обняла, потрепала по плечу и снова вгляделась в лицо. – Дорогая, у тебя удрученный вид. И тусклая кожа. И... – Казалось, она не знает, каким еще обидным словом в меня швырнуть.

Но ситуацию спас дедуля.

– Чудесно выглядишь. – Сказал он, выдирая меня из ее объятий и заключая в свои.

– Какие новости? – Не унималась ба. Она взяла меня за руку и придирчиво осмотрела пальцы. – А где кольцо? Ты вроде говорила, что твой футболист звал тебя замуж?

– Мы расстались. – Отмахнулась я, решив не вдаваться в подробности и не оправдываться по поводу отсутствия кольца, которое он мне так и не подарил, ведь предложение пожениться было спонтанным.

«Кажется, я в тебя влюблен, – сказал однажды после секса

Сапожников. — Что ты скажешь, если я предложу тебе стать моей женой?»

Да уж, теперь секс мне еще долго не светит.

— Что значит расстались? — Воскликнула бабушка.

— То и значит. — Пожала плечами я и поспешила к столу, чтобы не смотреть ей в глаза. — Не сошлись характерами.

— Не может быть, Катерина! Так ты упустила очередного жениха? — Послышалось в спину. Бабуля преследовала меня до самого праздничного стола. — Твоя излишняя разборчивость приведет тебя к тому, что ты останешься одна!

— Как будто это так уж плохо. — Фыркнула я, отправляя в рот виноградину.

От дальнейших объяснений меня спасло появление в гостиной дядюшки Роберта и тетушки Нины, маминой сестры. Тепло поприветствовав бабулю с дедулей, они накинулись на меня:

— О, Катенька, как ты похорошела! Поправились! Это все помолвка! Покажи кольцо!

Я тяжело вздохнула.

— Нет никакого кольца. И свадьбы не будет. Мы с Сапожниковым разошлись.

— Но он же *известный футболист*! — Выпучил глаза дядя Роберт.

— А тебе разве не тридцать скоро? — Охнула тетя Нина.

— Отстаньте от человека! — Взмолилась Настя, моя двоюродная сестра.

Я так была рада ее приходу, что радостно метнулась к двери и обняла ее так крепко, как только смогла.

– Привет, подруга, – она расцеловала меня в обе щеки, – жаль, что так получилось с Ильей...

– Мы просто не созданы друг для друга. – Улыбнулась я. Взяла со стола бокал вина и подала ей.

– Ох, нет, – виновато развела руками Настя, – я еще кормлю грудью.

– А где твой сынок? – Спросила я, отхлебывая из ее бокала.

– Твоя мать нянькается с ним. Вцепилась в него с порога. Знаешь, что это значит?

– Что?

– Что ей уже хочется внуков. – Она подмигнула.

Я подавилась. Закашлялась. Кузина похлопала меня по спине.

– Мне же всего двадцать восемь, – выдавила я, – до детей еще очень далеко. К тому же, я не уверена, что они мне вообще нужны.

– Дети нужны всем! – Подхватывая со стола сервелат, возмутилась тетушка.

– Все любят детей! – Поддержал ее дядюшка.

– А кто это тут у нас! – С годовасиком на руках появилась в дверном проеме моя матушка. – Посмотрите, како-о-ой сладкий мальчишка! – Пропела она, подкидывая испуганного пучеглазого карапуза.

– Ай-люли-ай-люли! – Принялась плясать вокруг мальчишки бабуля.

Дед тоже стал выделявать руками замысловатые па, чтобы развлечь юнца. Все эти кривляния больше напоминали массовое помешательство, поэтому я удалилась к дальнему концу стола и села.

Наконец, когда и остальные расселись, можно было приступать к еде. Только никто не спешил забирать у мамы ребенка, и никто не рвался подать горячее, поэтому мне пришлось встать, принести с кухни жаркое и разложить по тарелкам.

– Спасибо. – Подмигнула мне мама, покачивая на коленях Настиного сына. – Смотри, какие у Матвея щечки. Розовые, пухлые! Он красавец, правда?

Я кивнула. И только села за стол и взяла приборы, как тетушка Нина взвилась:

– Ты слышал, Слава, твоя дочь сказала, что не хочет детей!

– Это она так шутит. – Отмахнулся папа. – Когда у нее завяжутся стабильные отношения, она и не вспомнит о своих словах.

Мне пришлось положить в тарелку мясо, так и не донесенное до рта.

– И вовсе я не шучу. – Вырвалось у меня.

Все присутствующие уставились в мою сторону. И только Настя кашлянула и опустила взгляд.

– А что? Я и замуж не собираюсь.

– Как это? – Помрачнела мать.

– А для чего мне выходить замуж? – Нервно хихикнула я.

– Чтобы завести детей. – Подсказал дед.

– Но я не хочу. – Возмущенно прыснула я, оглядывая их всех. – Не знаю, может, я – чайлдфри? Еще не решила.

– Но без детей нельзя. – Настороженно взглянув на меня, крикнула тетушка Нина.

– Все эти чайлдфри давно пора приравнять к экстремизму. – Презрительно фыркнул дядюшка Роберт, принимаясь за еду. – Нормальные люди всегда хотят продолжить род.

– Кто такое сказал? – Глотнув вина, поинтересовалась я. – Мы живем в такое время, когда каждый волен сам выбирать, чего хочет. Если, например, у женщины нет финансовых и эмоциональных ресурсов, то ей лучше не рожать, пока ситуация не изменится, иначе ребенок станет для нее непосильной нагрузкой и настоящей обузой. У каждого свое счастье, и оно не обязательно в детях.

– То есть, в старости ты будешь продолжать шлаться по барам и спать с кем попало? – Взвизгнула мать.

В желудке у меня похолодело.

– Это все тлетворное влияние Запада. – Скорбно подытожил дядя. – Что хорошего может прийти к нам из стран, где разрешены однополые браки? Какой позор!

– Может, ты еще и феминистка? – Взвилась бабуля, обмахиваясь салфеткой. – Начитаются всего в своем интернете, а потом не имеют собственного мнения.

– Если и так, то что? – Стараясь сохранять спокойствие, ответила я. – В конце концов, феминизм просто учит женщин любить себя.

На самом деле, я не знала, была ли я феминисткой. Может, да, а, может, и нет. Это не было так уж важно для меня по части осознания себя как личности.

Единственное, что я хорошо усвоила к своим годам, так это то, что слово «феминистка» было словно стоп-сигналом для всякого рода придурков. В приложениях для знакомств я в последнее время специально указывала его, чтобы фильтровать ухажеров: для нормальных мужчин феминизм не нес никакой угрозы, им было фиолетово, а вот моральные уроды – те автоматически отсеивались.

– Настя, скажи ей. – Простонала моя мать, подкидывая ребенка на коленях так, будто собиралась укачать его до тошноты. – Скажи, что она не права. Что ты счастлива в браке, и что в этом предназначение каждой женщины!

Настя, которая две недели назад звонила мне, чтобы пожаловаться на мужа, который дал ей затрещину за то, что она посмела отвлечь его от игры в приставку, вздернула подбородок:

– Вообще-то, да. Так и есть.

– Создание семьи и рождение детей это то, ради чего женщина появляется на свет. – Указав на внука, торжественно объявила тетушка Нина. – Поэтому выбрось из головы всякую дурь и скорее ищи себе достойного мужчину, Катерина.

Достойного это, видимо, как дядюшка Роберт, который трижды уходил из семьи к любовнице, а затем возвращался. Тот самый дядюшка Роберт, который уже десять лет нигде не работает и сидит на шее у жены. Знаете, что меня всегда умиляло? Больше всего советов раздают люди, состоящие в максимально нездоровых отношениях.

– Без мужчин можно обходиться во всем. – Сказала я с улыбкой и залпом осушила бокал.

– Во всем, кроме секса. – Вздернула бровь тетушка.

– Для этого у меня есть Филипп. – Отправив в рот кусочек жаркого, хмыкнула я.

– Кто это? – Нахмурился папа.

– Филипп? – Всполошился дед.

– Ее вибратор. – Хихикнула Настя.

Над столом пронеслась вереница ахов и охов. И тут моя врожденная вредность не дала языку удержаться за зубами:

– И если уж я когда-нибудь решусь связать свою жизнь с каким-то мужчиной, то это будет не кто угодно ради наличия штанов в доме, а достойный дееспособный партнер, на котором будет половина заработка и работы по дому. – И выразительно посмотрела на дядю.

– Сначала все так говорят, а потом нормально все делают. – Нервно усмехнулся папа, чтобы замять неловкость.

– Точно! – Рассмеялся дед.

Еще бы он с ним не согласился, ведь дедуля был самым отъявленным бытовым инвалидом, какие только быва-

ют. Уверена, он помер бы у полной кастрюли еды, если бабуля ему ее не разогревала.

И, нахмурившись, я потянулась за вином.

21.20

Дом Красавиных. Вечер.

– Если честно, ваши услуги мне не по карману, и я не собираюсь за них платить. – Буркнула я, наваливаясь на диванные подушки в гостиной. – И мне, в общем-то, нечем.

Когда Алиса забрала меня от родителей и привезла в свой дом, этот мужчина уже был здесь. Его звали Павлом Громовым, и он представился мне другом Вадима. Сначала я решила, что нас сватают друг другу, но потом оказалось, что он... кх-кхм... психиатр.

Когда Алиса с мужем удалились на кухню, до меня вдруг дошло, что это для того, чтобы мы остались наедине – как врач и пациент.

– Не думаю, что буду полезен вам как специалист. – Поспешил откреститься Павел. – Душевные травмы все же по части психотерапии, а это не мой профиль. – Он налил вина в бокал, подал мне и уселся в кресло напротив. – Хотя, просто выслушать я, пожалуй, могу. И дать пару советов тоже.

– Я не стану изливать душу незнакомцу. – Бросила я, сделав жадный глоток.

И закинула ногу на ногу, «закрываясь» от него.

– Вы напряжены. Что-то случилось? – Тон Павла приобрел мягкие, проникновенные нотки.

Я оглядела его с головы до ног. Приятный темноволосый мужчина тридцати пяти – сорока лет, волосы слегка тронуты сединой на висках. Кольца на пальце нет. Пожалуй, при других обстоятельствах он мог бы стать моим первым партнером на секс без обязательств. По крайней мере, я была твердо уверена в том, что никаких чувств впоследствии к этому мужчине у меня бы не возникло. Так что, вариант можно было считать безопасным.

– Случилось многое, но это не значит, что это меня расстраивает, и что я стану обсуждать это с вами.

– Мы же говорим, как друзья. – Павел улыбнулся лишь уголками губ.

– Бросьте.

– Как много вы пьете в последние дни?

– Чего? – Я возмущенно покосилась на свой бокал.

Если честно, не считала. Но это ему не обязательно знать. То, как я пытаюсь отрешиться от переживаний, его не касается.

– Просто алкоголь не помогает. – С теплотой в голосе сообщил Громов. – Никогда.

– У меня все в порядке. – Фыркнула я.

– Алиса сказала, ваше жилье сгорело.

– Если бы. – Вздохнула я. Затем глубоко вдохнула и задержала дыхание, размышляя. А через полминуты из меня

внезапно полилось негодование: – Пожар – не самое страшное. Хотя, как посмотреть. Неделя была ужасная. Сначала меня бросил мой жених. Он оказался геем – так будет звучать обиднее для меня, но вернее – по сути обстоятельств. Затем я оказалась на улице, потому что моя прежняя съемная квартира уже занята. Далее я убила две пары любимых туфель, меня уволили с работы за секс в общественном месте с известным рокером – этого, кстати, не было, просто недоумение. Затем в гостинице случился пожар – не понимаю, как это вообще могло произойти – и все мои личные вещи сгорели: документы, лэптоп, вся одежда, а телефон утонул. Здесь я могла бы добавить про унижения, которым подвергли меня родственники за обедом, но я никогда не жалею! Поэтому промолчу!

Я сглотнула.

Ума не приложу, как Громов все это из меня вытянул. Возможно, мне действительно нужно было кому-то выговориться. Последние слова я буквально выкрикнула ему в лицо, и теперь мне было ужасно неловко. Получалось, что я наорала на человека, который хотел мне помочь. На психиатра (на секундочку). И теперь мне оставалось лишь надеяться, что он не определит меня как пациента своего профиля.

– О чем вы сожалеете больше? О потерянной работе или разрыве с женихом? – Сложив руки на груди, с понимающим видом спросил мужчина.

– Сожалею? Да я вообще не сожалею! – Воскликнула я,

чувствуя, как слезы наворачиваются на глаза. — О чем там жалеть? Этот журнал, — мой взгляд упал на стопку «Manner» за этот год, лежащих на журнальном столике Алисы, — тонущий корабль! За последние годы он стал таким тонким, тусклым и не интересным, что мне стыдно, что я прикладываю руку к его созданию! Что там читать? «Мужской взгляд» от Саввы Пипкена, мнящего себя великим писателем и властителем женских сердец? Раздел про карьеру от вечного неудачника Владика? Или модные обзоры от тех, кто застрял в нулевых и не следит за этой самой модой? Мы уничтожили «Manner», мы перестали говорить о том, что действительно волнует современных женщин!

— Вы сейчас чувствуете горечь или возмущение? Какое чувство преобладает?

Я отставила бокал на столик и уставилась в пол. Похоже, моя жизнь окончательно развалилась на части, и мне только что пришлось признать это вслух.

— Я просто колумнистка. Сомневаюсь, что работа в журнале была моим истинным предназначением. Я никак не могла избавиться от ощущения, что что-то упускаю, что могу сделать больше, быть полезнее, но у меня нет возможности. Поэтому я не жалею. Ни возмущения, ни горечи нет.

Мне пришлось закусить губу, чтобы сдержать рвущиеся наружу слезы.

— О чем вы писали, Катя?

— О жизни в целом.

– О той жизни, которой живете? Или которой хотели бы жить?

– Я... я писала всякую чушь. – Честно призналась я. – У каждого издания своя редакционная политика, и мне даже в голову не приходило, что можно попытаться протолкнуть что-то новое, что-то близкое тебе по духу и интересное читательницам. Зря, наверное, я не задумывалась об этом раньше, но теперь-то что?..

– Вы чувствуете, что у вас отняли что-то значимое?

– Не знаю.

– Может, это хорошая возможность все осмыслить и понять, чего вы на самом деле хотите?

– Не знаю.

– Может, журнал, жених и те туфли – это вовсе не та жизнь, о которой вы мечтали? И их потеря лишь шанс начать строить все с нуля?

– Я не...

И в этот момент я поняла, насколько все плохо. Но при этом осознала, что это, возможно, и не конец.

– Так что вы чувствуете сейчас?

– Я чувствую... злость. – Пискнула я. – И обиду. На весь мир, на обстоятельства, и на себя!

– Дело не в вас, поверьте. – Участливо произнес Громов. – Просто иногда все действительно складывается так, что, кажется, будто кто-то испытывает нас на прочность.

– Не могу избавиться от ощущения, будто мне одной не

везет. Будто я одна такая – несчастливая!

– Поплачьте.

– Не хочу. – Шмыгнув носом, ответила я. – Вот еще – плакать!

И стерла слезы с щек ладонями.

– Станет легче.

– Как же я теперь буду жить? Куда пойду? Где буду искать работу?

– Плачьте, Катя, не стесняйтесь эмоций.

И я, черт подери, разрыдалась.

23.45

Может, Красавины и не пытались свести меня с этим доктором, но наш разговор наедине помог мне отпустить часть боли. Алиса, вернувшись с кухни с закусками, застала меня плачущей и принялась утешать, а Павел, еще раз напомнив о том, что он не практикует психотерапию, извинившись, удалился в кухню к Вадиму.

А, уже уходя, снова заглянул ко мне.

– Катя, думаю, вам стоит продолжать делать то, к чему привыкли. Нет гаджетов, не беда – заведите дневник и описывайте в нем все происходящее с вами за день, так вам проще будет потом анализировать, а также будет, куда выплеснуть переживания. Пишите для себя, и, может, получится лучше, чем для журнала.

– Это был бесплатный совет? – Уточнила я, кутаясь в плед.

– Я пришлю вам счет. – Улыбнулся мужчина.

– Так и знала. – Пришлось вернуть ему улыбку.

– Думаю, все у вас будет хорошо.

– Непременно.

В тот момент идея с дневником показалась мне дурацкой, но я думала о ней, лежа в гостевой комнате, почти всю ночь. А наутро попросила Алису купить мне блокнот.

7 октября, четверг

11.40

Дорогой дневник! (Зачеркнуто)

Вот мы и подошли к тому моменту, с которого начинается моя новая жизнь. Я переписала сюда все события прошедшей недели и описала все мысли, которые одолевали меня все эти дни.

Теперь все будет по-другому.

Я стану другой. Более уверенной в себе, независимой, свободной. Научусь создавать счастье внутри себя. Буду брать от жизни все.

«Двигаться по жизни нужно не вперед, а вверх», – теперь это станет моим девизом.

Правда, на лицевой стороне моего нового дневника серебряистой краской было выбито: «У тебя не получится спасти весь мир, но ты можешь спасти того, кто напротив тебя. Если поторопишься», но это лишь потому, что Алиска перед тем, как умчаться в офис, вручила мне ежедневник мужа, врученный ему клиникой на День Медика в прошлом году. Но какая разница, где вести личные записи, так ведь?

Тем более, фраза подходящая, ведь я была не против, спа-

сти для начала того, кто смотрел на меня из отражения в зеркале. Если уж чья-то любовь мне и требовалась для восстановления душевного равновесия, то в первую очередь моя. Надеюсь, записи в дневнике помогут мне в этом. Иначе, зря я натерла на пальце мозоль, пока их делала.

11.50

Позвонила Алиса.

Я только собиралась приступить к обеду, заботливо приготовленному мне Вадимом, когда раздался звонок.

– Это тебя. – Передал мне телефон Красавин.

– Морозова. – Отчеканила я.

Маленькая Катюха Красавина замерла, глядя на меня, и перестала перекатывать во рту пюре из брокколи. Она сидела на высоком стульчике в метре от меня, а ее отец пытался накормить ее. Зрелище было не из приятных, поэтому я не расстроилась, что подруга решила оторвать меня от обеда: кто знает, смогла ли бы я вообще нормально поесть, глядя, как у карапуза изо рта стекает по подбородку тонкая струйка желтовато-зеленого цвета.

– Срочно приезжай в офис! Барракуда хочет тебя видеть! – Прокричала Алиска.

Девчонка, словно услышав голос матери, прислушалась и открыла рот. Пюре, конечно же, повалилось наружу.

– С чего бы? – Хмыкнула я. – Она мне больше не началь-

ница.

Вадим ловко подобрал ложечкой пюре с подбородка дочери и сунул ей обратно в рот. Я поморщилась.

– Все из-за того снимка в «Большом городе», сегодня все только о нем и говорят! Ах, ты же не в курсе... газета только утром появилась в продаже...

– Что за снимок? О чем ты?

– Срочно езжай сюда! Вадик даст тебе денег на такси. И купи свежий номер «Большого города» по дороге.

– Да о чем ты, я никак не пойму?

– Катька, ты на первой полосе! Дурында! – Звонко воскликнула Алиса. – Давай жми, Барракуда через полтора часа уедет в аэропорт!

Вызов сбросился, и я перевела взгляд на Вадима.

– Что стряслось?

– Твоя жена никогда не умела объяснять. Не представляю, как она справляется с работой в журнале. – Пожала плечами я. – Какая-то газета, какой-то снимок, «срочно приезжай сюда». Да я там даже не работаю больше! С чего бы мне срываться и гнать туда?

– Наверное, Акула передумала и решила восстановить тебя на должности? – Предположил муж подруги.

– Возможно. – Хмыкнула я. – Какой еще дурак пойдет работать в эту дыру и станет терпеть эту истеричную старую деву?

В голове пронеслась мысль о том, что однажды и я могу

стать такой, как Аллочка Денисовна – неудовлетворенной, нервной и старой. Пришлось зажмуриться, чтобы отогнать ее.

– А ты бы вернулась?

Я задумалась.

Не жить же вечно у Красавиных? Не донашивать последние колготки в поисках новой работы? Пока я была невестой Сапожникова, мне казалось, что потеря работы – сущая ерунда, а теперь...

С губы моей крестницы потекла капля овощного пюре.

Да и к соседству с маленьким ребенком еще нужно привыкать.

– Поеду и узнаю, чего они хотят. – Сказала я, вставая. Наклонилась к Катюшке: – Жуй-жуй, глотай!

Она странно поморщилась, а затем... как чихнет! И, конечно же, все пюре оказалось на моем лице, волосах и одежде.

– Упс. – Усмехнулся Вадим.

– Придется позаимствовать что-то из Алискиных вещей. – Вздохнула я.

12.55

Я взяла свежий номер «Большого города» прямо у входа в бизнес-центр, в котором располагалась редакция «Manner». С первой полосы на меня смотрел отважный пожарный, чье

лицо было перемазано сажей: его светлые глаза светились решительностью, а куртка была распахнута, и ее полы сексуально развевались по ветру.

Огнеборец был запечатлен выходящим из гостиницы... с девушкой на руках. Я сразу узнала себя – по одежде, спутанным каштановым волосам и свертку, покоящемуся на груди.

«Отважный спаситель вынес девушку из огня!» – гласил заголовок. А дальше шла статья, в которой мужчину называли героем и рассказывали, как во время случившегося в одном из номеров пожара потерпевшая потеряла сознание, а затем была спасена.

На снимке очень отчетливо можно было разглядеть мое лицо, и теперь становилось ясно, что же так активно обсуждали в редакции. Желание подниматься наверх улетучилось, а вот интерес к персоне спасителя – наоборот, возрастал.

Как же так вышло, что я совсем не помнила его? Почему момент спасения из пожара совершенно стерся из моей памяти?

Его светлые глаза, защитный шлем, сильные руки... Руки!

Кажется, я начинала вспоминать. Голос пожарного, его попытки привести меня в чувство, его уверенные шаги. Меня качало, словно на лодке, и я ощущала аромат его кожи сквозь запах дыма. Это было уже после того, как он вынес меня из здания. Вокруг столько людей. Голоса. Он передал меня медикам, а потом...

Потом я очнулась.

– Вот ты где! – Появившаяся из-за стеклянных дверей Алиса подхватила меня под локоть и поволокла внутрь. – Так и знала, что нужно тебя встретить. Ну, ты чего?

– Я не помню его.

– Кого?

– Этого мужчину. – Медленно передвигая ногами, я продолжала пялиться на первую полосу газеты. – Кто он?

– О, у нас весь офис гудит! Называют его горячим пекарем – такую булочку из огня вынес! Ты что, совсем ничего не помнишь?

– Не-а. – Помотала головой.

– Идем скорее. – Подруга затянула меня в лифт.

Но выйти оттуда мне так и не посчастливилось. На нужном этаже в лифт вошла Барракуда в сопровождении вездесущего Владика – тот нес бережно, словно младенца, ее новую фиолетовую шубку.

– Тебе повезло, что мы не разминулись, – смерив меня недовольным взглядом, бросила шефиня и повернулась ко мне боком.

– Здравствуйте. – Выдавила я.

Владик нажал кнопку нужного этажа.

– Конкурирующие издательства хотят интервью с тобой, – глядя на закрывающиеся створки дверей, произнесла Аллочка. – Но мы поступим так. – Изящным движением она поправила идеальную прическу: боб карэ, прикрывающую поллица. – Приведи своего спасителя, и мы сделаем большой

материал о нем в рубрику «Интервью». У тебя есть его контакты?

– Э... нет. – Протянула я.

Барракуда дернула головой.

– Так раздобудь.

Я собиралась уже возмутиться, когда Алиса сжала мою руку.

– Хорошо. – Согласилась я примирительно.

Владик с облегчением выдохнул.

– Реабилитируем тебя этой статьей. – Взглянув на часы, произнесла шефиня. – А далее ты возьмешь на себя работу над рубрикой «Sex». Для нее нужен свежий взгляд и человек с нестандартным мышлением. Думаю, прежнюю рубрику ты давно переросла.

– Я...

– Пришлешь мне завтра тему для колонки и первые наброски.

– Но...

– Я просила их ко вторнику.

– Но вы меня уволили. – Кашлянула я.

– Ты способный журналист, Морозова. – По-прежнему не глядя на меня, отчеканила она. – Если направишь свое рвение и креатив на тексты, а не на художества, то продержишься в штате еще долго.

– Поняла.

– И будь добра, – забирая из рук Владика шубку, попро-

сила главный редактор, – сделай так, чтобы в следующий раз, когда я попытаюсь до тебя дозвониться, ты оказалась на связи.

– Х-хорошо. – Кивнула я.

– Прекрасно.

Створки лифта раскрылись, и Барракуда важной походкой упорхнула к выходу.

– Не будь она такой стильной, я бы назвала ее исчадием ада. – Пробормотала я.

– Настоящая сука. – Прошептала Алиса. – Но, глядя на такую, невозможно не испытывать какое-то сакральное благоговение, что ли... Что это вообще такое? Как работает?

– Это харизма. – С придыханием произнес Владик. – Вы чувствуете? Она ушла, а в воздухе все еще потрескивает электричество.

– Это динамик шипит. – Буркнула я, нажимая на кнопку. – Ну, что? Кто-то поздравит меня с возвращением?

– И с новой должностью. – Обняла меня Алиса.

– Добро пожаловать в мир порока и разврата! – Бросился ко мне Владик.

– Никаких обнимашек. – Остановила его я.

18.50

Оказалось, что по случаю отъезда Аллочки в деловую командировку, мои новые-старые коллеги решили устроить

корпоратив. Вообще, повод официально был другим – день рождения Усова, тот проставлялся, но мне сегодня было все равно, по какому поводу веселиться: наконец-то, я ощутила, что жизнь налаживается. По крайней мере, работа у меня опять имелась, а, значит, скорое получение финансов сулило возможность обзавестись новой съемной квартирой.

Алиса уехала домой сразу после обеда, но я не переживала из-за того, что поздно (и неизвестно каким образом) вернусь домой. Побывать в компании веселых сослуживцев – это то, что мне сейчас было нужно.

Все вокруг разговаривали друг с другом, пили вино и угощались закусками. И, в общем-то, все было прилично и мило, пока редактор отдела красоты и здоровья Марина не принесла две бутылки дорогого вискаря, а ведущий дизайнер Клара не врубила музыку громче.

20.00

– Смотри, как Верка жметя к Усову. – Толкнув меня плечом, возмутилась Диана. – Ну, не так же открыто себя предлагать!

Свет уже приглушили, поэтому мне не сразу удалось разглядеть эту парочку. Вера Жимова, наш креативный директор, распалилась настолько, что почти волокла на себе Усова, пытаясь вытащить на танцпол. Народу там было тьма, да и сами танцы в редакции становились все горячее.

– Вроде красивая женщина. С хорошей должностью и достойным заработком. Неужели, настолько отчаялась устроить личную жизнь, что обратила внимание на нашего усатика? – Поразилась я. – Или опять перепила?

– Почему отчаялась? – Закинув ногу на ногу, произнесла Люба. – Усов – симпатичный.

Если кто и был симпатичным, то мой спаситель – тот, что вынес меня из огня. Воспоминания о нем приводили меня в особенный трепет. Не зря говорят: переключение внимания с одного мужчины на другого отлично лечит разбитое сердце.

– Вы что, не знаете? – Чуть не подавилась вином Диана.

– О чем?

Девушка наклонилась к столу.

– *Это же Усов.* После секса с ним все счастливо женятся и обретают любовь. – Заговорщически подмигнула она. – Наша Верочка тоже задумала использовать его дар в своих целях.

– Что еще за бред? – Нахмурилась я. – Да кто станет спать с этим неудачником ради призрачной надежды на последующую удачу в амурных делах? Это же Усов!

– А кто еще с ним спал? – Заинтересовалась Люба.

– Женька, литредактор. – Начала перечислять Диана, загибая пальцы. – Вышла замуж в прошлом октябре. Машка, корректор. Весной встретила качка в тиндере, он возил ее на Гоа. Лерка, фоторедактор – та вообще отхватила себе мил-

лионера, хочет увольняться. Они, знаете, как ему благодарны! – Она всплеснула руками и чуть не пролила вино.

Я повернулась в ту сторону, где Вера танцевала с Усовым. Двигался он, надо признать, неплохо.

– Хотите сказать, что этот усатый таракан спал со всеми перечисленными девицами?

– Спроси у них сама. – Закивала Диана.

– Вообще, у нас, конечно, рай для мужиков. – Мечтательно протянула Люба. – Коллектив на 90 % состоит из женщин. Красивых, знающих себе цену, понимающих толк в моде. Есть из кого выбрать.

– Да что их всех могло в нем привлечь? – Не выдержала я. – Усики, что ли?

– Да хотя бы и они. – Хихикнула Диана. – Сама не хочешь проверить? А то вон, Верка уже всю шею ему облизала – лезет на парня, как стриптизерша на шест. Надо спасать.

– Ни за что. – Поморщилась я.

21.10

– Привет. – Я опустилась на диванчик рядом с ним, едва креативная Вера отлипла, чтобы отлучиться в уборную.

– А, привет. – Отозвался он, глядя на меня удивленно, но с явным интересом. Затем быстро спохватился. – Будешь чего-нибудь?

– Плесни шампанского. – Протянула ему свой почти пу-

стой бокал.

– А тебе не много будет? – С неловкостью в голосе спросил Усов. – Ты ведь почти ничего не ела.

– Следил за мной? – Напряглась я.

– Вовсе нет, я... – Замялся он.

– Шучу! – Рассмеялась. – Наливай уже.

И придвинулась ближе.

От Усова пахло табачно-сандаловым парфюмом. Серьезный, глубокий аромат. Такой вряд ли по плечу офисному зануде в скучном свитере, но я вынуждена была признать – раскрывался он на нем заманчиво и необычно.

– Так тебя можно поздравить с повышением? – Улыбнулся Усов, наполнив мой бокал до середины.

– Если только перевод в другую рубрику можно так обозвать. – Хмыкнула я, отметив про себя, что его вежливо-виноватая улыбка была довольно милой.

– Твоей предшественнице платили больше, так что, думаю, и тебе стоит рассчитывать на прибавку к зарплате. А если оплату не повысят, то настаивать на этом.

– Ей платили больше? А ты откуда знаешь? – Я была поражена. – Ты ж просто менеджер, или кто ты там?

– Директор по распространению и логистике, вообще-то, но не суть. – Усмехнулся Усов. – Просто у меня есть шпион в финотделе. – Он пожал плечами. – Но если что, я тебе ничего не говорил.

– Вот как. – Я прочистила горло и бросила взгляд в сто-

рону. Заметив, что ее место на диванчике занято, Вера обиженно поджала губы и поплелась на танцпол. – Если честно, я сейчас не в том положении, чтобы просить прибавки. Моя репутация, знаешь ли, слегка... подмочена, поэтому я уже рада, хотя бы, тому, что меня просто приняли обратно...

– С твоим талантом ты могла бы устроиться в любую компанию этой страны. – Сказал Усов. И, не выдержав мой пристальный взгляд, закашлялся. – Ты даже могла бы вести свой блог, Катя. Или писать книги...

И нервно облизнул губы.

Обожаю это. Приятно, конечно, когда мужчина обаятелен и красноречив настолько, что ты смущаешься в его присутствии, но обратная ситуация намного круче – если мужчина ведет себя так, что ты моментально понимаешь, что нравишься ему, это как выиграть джек-пот. Видеть, как он смущается, чувствует себя не в своей тарелке, ерзает, а потом смотрит на тебя во все глаза – особый вид удовольствия. Это подкупает и... возбуждает.

– Как тебя? – Улыбнулась я.

– В смысле.

– Как тебя зовут?

– Ты не знаешь, как меня зовут? – Опешил он.

Черт.

– Знаю, конечно! – Попробовала отшутиться я. – Но за-
была.

– Миша. – Выдавил Усов.

- Миша? Серьезно?
- Ну да. – Кивнул он.
- Тебе идет.
- Что именно? – Нахмурился он. – Быть Мишей?
- Ага.
- Ух, ты. – Ему явно стало не по себе.
- У меня только один вопрос. Зачем тебе эти усы, Миша? – Я придвинулась ближе и провела пальцем по темной растительности над его верхней губой, а затем по ухоженной бородке.
- Я... Ну, я думал... – Он сглотнул.
- «Переволновался, малыш».
- Ты думал... – Томно повторила я.
- Думал, они придают мне... солидности? – Неуверенно промычал Усов.
- Неверный ответ.

21.35

- Брей! Брей! Брей! – Улюлюкала толпа.
- Кажется, так это и было.
- Вакханалия какая-то. Я сидела на коленях у Усова с невесть откуда взявшейся машинкой для бритья, а коллеги свистели и кричали, подначивая. Возможно, я бы остановилась, будь моя жертва против. Но он смотрел мне прямо в глаза и ждал того момента, когда жужжащий аппарат коснет-

ся кожи.

– Брей! Брей! – Орала толпа.

И мой азарт нарастал.

– Ты еще можешь передумать, – выдохнула я ему в губы.

– Нет. – Уверенно сказал Усов.

И бжик – понеслась!

Сначала я сбрила бородку, затем кусочек уса слева, а потом справа. И все это время мы хохотали, не переставая. Буквально до слез. Длинные усы – колхозные – усики Гитлера. Примерили по ходу бритья все вариации.

– Может, так и оставим? – Ерзая на его коленях, спросила я.

– Нет уж. – Сказал Усов, и его пальцы вдруг сжались на моих бедрах.

Даже будучи пьяной, я понимала, что наш флирт заходит слишком далеко, при том у всех на глазах, но мне не хотелось это останавливать. К тому же, Верочка ужасно злилась за уведенного у нее кавалера, и это доставляло мне почти садистское удовольствие. «Как это? Усов, который два года волочился за мной, вдруг достанется какой-то креативщице? Это мой Усов, и только мой!»

Не знаю, что за чувства меня обуревали, но, будучи нетрезвой, я в тот момент свято верила в правильность своих действий.

Вжик! И Усов лишился усОв.

– Мишка! Какой ты красавец! – Завопила какая-то исте-

ричка из отдела моды.

– Такой молодой! Тебе будто и двадцати нет! – Подхватила другая. – Мальчишка!

Я слезла с его коленей, он встал, и коллеги принялись фотографироваться с ним.

А я так и стояла с машинкой в руках и негодовала, что он про меня забыл. Забыл про того, кто явил миру его истинную красоту, блин! И это было так странно и так похоже на ревность, что мне вдруг стало не по себе. Не могла же я ревновать к другим женщинам мужчину, который даже не нравился мне?

И мне захотелось пометить территорию.

Вот такое внезапное противоречивое чувство.

Не спрашивайте.

Уверена, даже психоаналитик не сразу бы определил, в какую сторону у меня поехала крыша. А, может, я просто хотела того же, что и все девчонки из редакции, что были у него до меня. Простого женского счастья, которое настигало каждую, кто спал с ним.

– Мишка! Иди сюда!

Выдернула его из толпы и потащила танцевать.

Помню, как мы касались друг друга, как он мне что-то говорил, а я хихикала. А дальше все смешалось. Запахи, звуки, взгляды, смех. И как из этой точки я очутилась в точке «проснуться дома у Усова» мне до сих пор невдомек.

8 октября, пятница

Утро. Очень-очень плохое утро. Черт его знает, который час.

Первое, о чем я подумала, услышав «Катюша, просыпайся», это то, что я снова каким-то образом оказалась в родительском доме. Вот только общение с предками всегда начиналось с ласкового «Катюша», а закончиться могло обвинениями в тунеядстве, комплиментами сомнительного содержания и гнетущими нравоучениями, поэтому я тут же напрыглась.

Вторым была мысль о том, что голос говорящего мне почему-то не знаком. Или...

И вот тут я подпрыгнула на постели и открыла глаза. А, увидев перед собой лицо незнакомца, едва не закричала. И только спустя мгновение до меня дошло, что человек передо мной смутно похож на кого-то, кого я знаю. На кого же?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.